

ВЕТЕР МЕЧТЫ
MYSTIC & FICTION

АНАТОЛИЙ ДЕРЯГИН

РЕДКИЙ ГОСТЬ

Mystic&Fiction. Ветер мечты

Анатолий Дерягин

Редкий гость

ИД «Городец»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

Дерягин А. В.

Редкий гость / А. В. Дерягин — ИД «Городец»,
2020 — (Mystic&Fiction. Ветер мечты)

ISBN 978-5-907220-14-0

Командировка на другую планету, в один день изменившая жизнь Ивана Прошина, казалась поначалу легкой прогулкой в поисках артефактов древней цивилизации. Но чем дальше Прошин со спутниками углублялись в дебри инопланетного леса, тем туже затягивался узел противоречий, связавший воедино земные колонии, саму планету Земля и даже инопланетян. Чтобы разрубить этот гордиев узел, пришлось вернуться в Солнечную систему, где затевалась грандиозная афера, способная изменить саму суть человеческой цивилизации...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-907220-14-0

© Дерягин А. В., 2020
© ИД «Городец», 2020

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	24
Глава третья	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анатолий Дерягин

Редкий гость

Глава первая

Веселые старты

Посетитель, впервые оказавшийся в кабинете ректора Института гражданской космонавтики, сразу же попадал под прицел внимательных серых глаз. Была у Мухина такая манера: выслушав приветствие, чуть ли не минуту молча мерить взглядом вошедшего. Прошин эту манеру знал и потому, закрыв за собой дверь, стоял, равнодушно скользя взглядом по обстановке помещения.

Ничего примечательного: стол буквой Т, стулья. Компьютер. Шкаф с книгами за спиной ректора. Картины в простенках между окнами – Мухин писал их в санатории, когда после аварии на Ляонине врачи запретили ему даже думать о космосе.

– Здравствуй, Ваня, – сказал Мухин. – Проходи, присаживайся.

Прошин отодвинул стул и сел подле ректора так, чтобы видеть картины.

Ближе к двери, чуть касаясь простенькой деревянной рамкой тяжелых портьер, висел пейзаж с изящными деревцами, бросавшими тень на густую траву. Закатное солнце заливало золотом верхушки дальних гор, золотом же умащивая одинокую тучку. Насколько знал Прошин, художник несколько приукрасил действительность: в том мире все время кто-то кого-то жрал. Планета Муром. Такой мир... живой очень.

– Ты у нас только что с Марса, так? – Мухин глянул на посетителя.

– Да, Олег Владимирович, с Марса.

На следующей картине под свинцовыми облаками ветер гнал свинцовые волны, брызгами разбивавшиеся о гроздь стеклянных пузырей. Пузыри поднимались над водой на сваях, наполовину утопали в бурном море, полностью уходили под воду, и в каждом горел теплый огонек человеческого жилья. Город на сваях. Планета Океан, мир большой воды.

– Ну и как впечатления? – спросил ректор, уставившись на экран компьютера.

– Хорошие впечатления, Олег Владимирович, – после недолгой паузы ответил Прошин, – в докладе изложены.

Над столом Мухина висел пейзаж с видами Ляонина. Три зеленые пирамиды, плывущие над морем джунглей, главная достопримечательность и главная загадка планеты.

– Да, да, – кивнул ректор, не отрываясь от клавиатуры. – Значит, смотри, Ваня: на Холте собирают экспедицию по рэнитам, возглавит ее профессор Джангулян, знаешь его?..

Прошин неопределенно пошевелил пальцами правой руки, лежащей на столе, – о планете Холт он знал почти все, о Джангуляне почти ничего. Мухин продолжил говорить:

– Задумали большое мероприятие: поисковая экспедиция в Туманных горах и, если что найдут, раскопки. Миссия на Колоссе – у рэнитов там была база, но исследовать ее не стали, оставили до лучших времен. Так вот, Геворг Арамович – историк, большой специалист по цивилизации Рэн, просил прислать сотрудника Института.

Под тяжелым взглядом Прошин заерзал в кресле и, сокрушенно покрутив головой, сказал:

– Олег Владимирович, да я же только что с Марса! – В голосе зазвучали возмущенные нотки: – Что, во всем Институте никого не найти для такой командировки? На всей планете?!

В его словах был резон: в штате Института числились и более опытные, и более грамотные работники, да и отделения в Самаре и Челябинске имели свои аспирантуры. Кроме того,

командировка на Марс выхватила девять месяцев из жизни Ивана Прошина: месяц он просидел в карантине сначала на Земле, потом на Красной планете, месяц ушел на дорогу и полгода Иван выполнял различные задания Института непосредственно, как это говорится, на грунте. Межзвездное путешествие, предложенное ректором, грозило затянуться на пять лет, причем сами археологические изыскания занимали в лучшем случае год.

– А некому, Ваня, – покачал головой Мухин. – Ты у нас один остался свободный, все аспиранты наверху – Платформу готовят...

Он развел руками и уставился на Прошина.

– По рэнитам Парфентий работал, – пробормотал Иван. – Олег Владимирович, у меня долги накопились...

– В долгах ты, братец, не из-за командировок, а из-за собственного разгильдяйства, – усмехнулся Олег Владимирович, – и потом, долги твои – вопрос решаемый. А Парфенов не может – у него сын вчера родился.

– Я кандидатскую провалю... – сделал еще одну попытку Прошин.

– Думаю, отчет о твоей командировке можно засчитать за проект диссертации.

– Вот так запросто, – усомнился Иван.

– Ну, это должен быть хороший отчет, – Мухин улыбнулся – словно солнечный зайчик заиграл на каменном лице человека-легенды. – Мы дадим тебе перечень вопросов, да он готов уже, я только твой планшет в сети не вижу...

– А, сейчас включу, – Прошин завертелся на стуле, выуживая из кармана коммуникатор.

– Вот, вижу. Отправляю тебе папку, там Парфенов составил перечень вопросов, проездной до Байконура, посадочные талоны... Командировочные придется оформлять в бухгалтерии, у них там новые порядки, – Мухин покрутил головой, явно новые порядки не одобряя.

– Да мне ж на МТ пилить, бешеные же деньги, и на обсервацию я не успеваю, – не сдавался Иван.

– Ваня, ну что ты, Ваня, – Мухин страдальчески вздохнул. – Ну, ты же знаешь – после Луны веры им нет, Миллеру пришлось наших ребят с собой таскать, чтобы под регистраторы, под личную подпись оформляли открытие. И ты так же: снимай видео, фотографируй, все под электронную подпись – твою и руководителя экспедиции, информация уйдет с тобой на Землю, а то знаешь же нашу связь... Придешь ко мне кандидатом наук.

– Но...

– Не понимаю я этого, – словно в пространство сказал ректор. – Я в твои годы из командировок вообще не вылезал – новые миры, далекие звезды... Ты в Институт зачем поступал, Вань?..

* * *

К обеду ветер разогнал последние тучи и сам поутих, только-только шелестя ветвями березок, подсушивая сырую после утреннего дождя траву в помощь солнышку, спешившему отогреть промозглую влагой землю. Между березами и зарослями ольхи журчал ручеек, без затей названный Малым, с одного берега подпираемый соснами и березами Козловского леса, с другого, через небольшую поляну, забором турбазы.

Расположились возле ручейка, презрев удобства мангальной зоны. Расстелили пару одеял, распотрошили сумки и пакеты со снедью, кухонными принадлежностями. Готовить подрядилась Иринка Парфенова, оставив Славику нянчиться с сынишкой, помогать ей взялись Иринка же Кивилиди и Катя Никифорова, за Катей увязался Паша Герман, объявив, что женщин к мясу подпускать нельзя, а за дровами пойдут Вованы. Вовка Рыжий и Вовка Абдуллин тут же объяснили ему, кто пойдет, куда и с какой скоростью, и дело решил коньяк, разлитый по рюмкам, выпитый, усвоенный: «Пошли, Вовка». Яков взял гитару, и гитара брэнчала: «А

на безекторе скакал зеленый чертик...», мягко перебирала: «Ой, пойду, пойду...» Свободные от готовки перебрасывали мячик с взрывами хохота, криками: «Картошка!..» – вперемежку с требованиями не баловаться возле походной кухни. Один раз «картошка» отскочила прямо в тазик с салатом, и Катя выдала звонкую тираду, весьма энергично призывавшую игроков к порядку.

Отдохнуть за городом собрались двадцать человек из всего выпуска-2150. Жизнь раскидала вчерашних студентов: кто мерил просторы Солнечной, кто пробовал на вкус черствый хлебушек колониста, кто готовил Платформу к Эдему, а кого и среди живых не сыщешь. Сейчас примерно половина собравшихся прибыла из командировок, примерно половина собиралась в командировку, и первая половина позволила себе заправиться спиртным, загадочно подмигивая второй: «Пробочку понюхаешь?..» Никто, впрочем, не безобразничал. «Вся страна, весь мир смотрит на вас, – говорили им с первых занятий и до сих пор. – Помните, кто вы». В ближайшее время всем – кому раньше, кому позже – придется проходить медосмотры, сидеть в карантине перед стартом орбитального самолета, и жестокая медкомиссия запросто могла отсеять любителя выпить. Относительно свободными могли считать себя разве что чета Парфеновых да Ираклий Цхлава, по весне еще повредивший спину на горнолыжке, остальные перебрасывали мячик, принимаясь к ароматам, издаваемым походной кухней, три парочки улизнули в разные стороны, желая уединения, каковое было им предоставлено со всяческим пониманием.

Прошин растянул куртку на максимум – хватило укрыть Татьяночку и самому накрыться: солнышко солнышком, а в тени да возле родника ветерок протягивает... Так и сидели, прижавшись друг к другу, и локон волос возле Таниного ушка с красной каплей сережки щекотал губы Ивана.

– Андрюшка прикольный, – сказала девушка.

Иван промычал что-то неразборчивое. Было тепло и уютно. Говорить не хотелось.

– Иринка сказала, будет до трех лет сидеть. – С Андреем Вячеславовичем тетешкались все девчонки, и мальчонка регулярно орал, требуя мамкино внимание и сиську.

Мужчины, поздравив молодого отца, снисходительно поглядывали на этот своего рода ритуал, и вся компания примеряла на себя жизненные обстоятельства Парфеновых, как бы спрашивая: «А что бы я сделал?»

– А Славик? – спросил Иван.

– Дальше Луны вроде обещали не посылать, – Таня вздохнула. – А там посмотрят. Может, в интернат сдадут.

Личная жизнь у космонавтов не складывалась. На словах Институт и Межкосмос радели за счастливые семьи тружеников межпланетных пространств. На деле...

Рук не хватало. Внеземелье, словно омут неразрешимых противоречий, затягивало людей, норовило утащить на дно, сковав по рукам и ногам очередным комом проблем. К звездам уходили тысячи; возвращались единицы обессиленных, нередко искалеченных людей, не желавших уже ничего кроме покоя обеспеченной старости. Вот и сидели они, Иван да Татьяна, молчали о планах на совместное будущее, включавшее, помимо прочего, такой же розовый комочек в пеленках, пусть и не говорили они о чем-то таком, но что-то такое подразумевалось.

А теперь пять лет разлуки. Жди меня, и я вернусь, да-да.

– Ничего нельзя было сказать? – спросила Таня.

– Что ему скажешь... – Прошин уставился на верхушки деревьев. – Надо, Ваня, и все тут.

– Может, мне сходить? – Таня еще теснее прижалась к Ивану.

– Ага, и тебе найдут... командировочку.

– А тогда... нет, и это нет.

– Что?.. Ну, говори, – Иван погладил девушку по спине. – Ты не замерзла, вообще?

– Нет, нормально. Я подумала... в Правилах пункт был, что семейные пары Межкосмос не разлучает.

– Да?!

– Что? Что ты на меня так смотришь?

– Ну... я не знаю... ну... может быть... И что?

– Да ждать долго. В загсе очередь, все дела.

– А. Ну да, – Прошин замялся, чувствуя, с одной стороны, облегчение, с другой... кажется, они что-то теряли. Сложно было все. Неправильно.

Таня посмотрела на него с иронией, и ирония эта окончательно разделила их.

– Что? – в который уже раз спросил Иван, чувствуя себя без вины виноватым. – Что ты так смотришь?

Он вывернулся из-под куртки, вскочил, сыпанув в журчащую воду меленькую гальку вперемежку с землей.

– Что, я, что ли, это путешествие выдумал?! – крикнул Прошин. – Иди к этому...

Даже сейчас у него духу не хватило придумать Мухину какой-нибудь неласковый эпитет.

– Иди объясни ему что-нибудь!.. Он же скажет: ты учился столько, столько усилий на тебя потрачено...

Таня ни слова не сказала на Иванову тираду, все так же сидела у бормочущей воды и вполоборота смотрела на Прошина. Иван осекся.

– Тань... Я...

– Да понятно, – девушка отвернулась.

– Таня...

Звуки, доносившиеся со стороны турбазы – выкрики игроков, удары мячика о землю, крики Андрюшки, отдельные разговоры – внезапно превратились в общий галдеж, достигли апогея и оборвались – тишиной, резко.

– Что-то случилось, – сказал Иван.

Таня улыбнулась в ответ – в глазах заиграли искорки:

– Ракопауки напали. – Прошин хохотнул в ответ и протянул руку, помогая зазнобушке подняться на маленький обрывчик.

«Ракопауками» оказались молодежавый офицер полиции и два патрульных в легкой броне; пилот остался в коптере – белый с синими полосами кокпит виднелся из-за ограды турбазы. Бравые космены стояли теперь вокруг скатерти с салатиками и слушали старшего наряда.

– Я все понимаю, – говорил офицер, обращаясь к Славику Парфенову, – собрались отдохнуть, давно не виделись – святое дело. Но, ребята, мясо пожарить можно и в мангальной зоне – что, пожары давно не тушили? А нас в июле снимали в помощь пожарным, столько возгораний было по области. Кроме того, жалобы поступают от людей, что некая компания не соблюдает режим тишины после двадцати трех часов. Вот совершенно не хочется возиться протокол составлять...

– Что случилось? – спросил Прошин Якова.

– Что, что... – гитарист цыкнул зубом. – Нефиг было всю ночь ржать. По-любому, та тетка с дитенком накапала.

– А Вован?..

– Вована успокаивают, – отмахнулся Яков.

Рыжий Вовка отволоч к «Циолковскому» грузовую платформу по случаю удачного возвращения принял на грудь и в состоянии подшофе имел неприятную особенность видеть в окружающем одни препятствия и помехи, каковые надлежало устранять пудовым кулаком – раз махнет, и объясняй потом местным правоохранителям, что другого такого экзоператора во всей Солнечной не сыщешь... Но рядом с Рыжим стояла Анна – ее никогда не называли Анкой или Анечкой – статная чернобровая девушка, единственный человек на всем свете, кого

лучший экзоператор Солнечной не смел принять за препятствие. Один раз, на первом курсе еще, попробовал – не ударил, замахнулся только, так потом колени шоркал вокруг женской общаги: цветы, конфеты – кое-как вымолил у гордой казачки прощение. Девушка обнимала парня, гладила по руке, и Вовка стоял красный, молчал, слушал.

Под гомон девушек и уверения парней: «Мы больше не будем, простите нас, пожалуйста», офицер закончил нотации, посмотрел, как притихшая компания перемещается на территорию турбазы, после чего полицейские сгрузились в винтокрыл. Космонавты поспешили заесть и запить все произошедшее, и жареное мясо с гарниром из помидоров-огурцов под армянский коньяк быстро успокоило разыгравшиеся страсти, так что даже Прошин с Татьяной забыли о своих невзгодах, тем более не вспоминали оставшуюся ночь, и прощание поутру, невнятное, сомканное, прошло как пустая формальность.

Самое главное они решили накануне.

Дальний путь начинался в карантине Байконура. Ну, то есть по возвращении с пикника Прошин, Яков и Рута с Анатолием прошли освидетельствование в поликлинике Института. Потом был рейс «Эйр Астана» в Кызыл-орду, скоростной поезд до Байконура, резво пересекавший просторы Великой степи и последние тридцать километров проходивший по тоннелю под зоной отчуждения. Три с половиной тысячи километров за сутки с небольшим, но все это в домашней, можно сказать, обстановке, когда на медосмотре милейший Вилен Иванович: «Все хорошо, Ваня?.. А, ну, легкой дорожки, печать в регистратуре», – а в самолете роскошный аэрофлотовский ужин и улыбка стюардессы – влюбиться и никуда не лететь, и Танечка только что рукой махнула, она здесь, недалеко совсем, родная, близкая, и поначалу за улыбки-переглядочки с симпатичными девушками печалит тоска. Огни городов за бортом; утренний аэропорт в Кызыл-орду; манты и горячий чай с лепешками в буфете; Яков кормит овечку, заблудшую в аэропорт, позирует с животинкой для делегации не то китайцев, не то японцев; звонок Татьяне: «Как ты?» – «Держусь...» Серебристые снаряды поезда, выжженная солнцем степь и хайтек-архитектура байконуровского вокзала (а кормят дорого и невкусно).

Дорога стелется, тысячи километров в дружной компании... рай на земле – у коня в седле.

Отдел кадров. Раньше космонавтов везли со Звездного городка сразу в гостиницу, каждого знал директор Роскосмоса лично, сейчас же приходится махать паспортом, заверять электронной подписью документы... Эйчар долго разглядывал Прошина, и тот вспомнил было про сорванную обсервацию, но нет, из отдела кадров отправили сразу на комиссию.

Тесные объятия медслужбы Байконура. Первичный осмотр: пальпация. Анализы. Санобработка... просто душ с ионизированной водой; серая одноразовая пижама, тапочки, одежду уничтожили. Можно запаковать и отправить по адресу – да некуда и незачем, опять же... Анализы – зеленый свет, хотя доктора делают замечания: много жирного ел. Симпатичная медсестра, доктора в белом – молодой парень, чернявый, улыбчивый, и мощная тетка, жгучая брюнетка с короткими завитками волос. Опрос, самочувствие, осмотр. Вежливо, спокойно, никто не ругается, хоть и сказали: «Обсервацию вы просрочили, молодой человек. – Прошин собрался оправдываться, собрался... – Ничего страшного. Пара дней туда – пара дней сюда».

Вот влип.

Стандартные процедуры, настоящий конвейер, когда все знакомо, все на автомате, оставляют наедине с собой, и волей-неволей начинаешь думать о предстоящем путешествии, и к посещению психолога беспокойство уже просто сдается.

Психолог – мужчина, что называется, в расцвете сил, белый халат на мускулатуре... не то чтобы по шву трещит, но уж очень облегает. Эдакая вот челюсть – ему ротой командовать: «У солдата выходной!.. Пуговицы в ряд!...» – короткая стрижка...

– Жалобы есть?

– Нет.

Доктор отвернулся от компьютера. В кабинете на стенах детские рисунки – ракеты, человечки в скафандрах, неумело, но с душой выполненный пейзаж (кстати, долина Грез на Муроме, известнейшее место), человечки без скафандров, цветы... Кресло под посетителем мягкое, гораздо удобнее стульев в других кабинетах и в самом помещении полумрак, из полуоткрытого окна легонький ветерок шуршит ленточками жалюзи.

– А чьи рисунки? – спросил Иван.

– Дочки, – красивая улыбка. Мужественная. Нет, если крикнет: «Вперед!.. За Родину!..» – точно в атаку пойдешь.

– Лететь не хочется?

– Нет, – врать тоже не хотелось.

– Понятно, – доктор вздохнул. – Знаешь, история обычно никого и ничему не учит, но если попробовать... все войны выигрывали солдаты, знавшие, почему и за что они идут в атаку... Что?

Иван спрятал улыбку:

– Нет, ничего. Я должен отдать свою жизнь ради блага всей Земли?

– Мм, нет, не об этом речь. Вряд ли на Земле прибавится блага, если ты отдашь свою жизнь, но ты должен решить, стоит ли отправляться в дальнюю дорогу. Я понимаю, что происходит, – то ли серые глаза доктора обладали гипнотическим свойством, то ли его тихая речь была причиной, но Прошин весь обратился в слух, – ты учился столько лет, серьезные, настоящему авторитетные люди сказали тебе – надо лететь – и своим авторитетом не оставили выбора. Но на самом деле выбор есть.

– Да ну?.. Я по жизни ничего другого и не знаю...

– А это тебе кажется, – психолог чуть заметно улыбнулся. – Ты с молодых ногтей привык к определенной обстановке, профессия стала твоей второй кожей, это твоя зона комфорта. Но твои знания вполне позволяют устроиться в обычной гражданской фирме – Институт поддерживает контакты с десятками работодателей по стране, да что там по стране – в любой точке планеты тебя с удовольствием возьмут на должность, и должность немаленькую. Вот, Джонсона вспомни.

– Да надо лететь... – промямлил Иван.

– Надо. Долг требует, – согласился доктор. – Но очень важно, чтобы доверенное тебе задание стало твоим личным делом. Твой сегодняшний настрой: «А, подавитесь...» – с гарантией убьет тебя и твоих товарищей. Ваня, ты же с молодых ногтей в космосе, вспомни – в чем суть работы космонавта?

– Ждать и догонять...

– Да. Правильно. Ты ждешь. Время тянется, корабль ползет по орбите, хочется убить время как муху, а потом...

– Потом время убивает тебя.

– Да. Поэтому ты должен решить, зачем ты делаешь это. Готов ли ты ждать и догонять. Стоит ли вообще начинать что-то. Я ставлю «годен» и даю тебе персональное задание: за десять дней в карантине ты должен решить, готов ли ты, должен осознать, что и зачем ты делаешь. Решай и будь честен с самим собой, потому что от твоего решения зависят жизни множества людей на орбите и у далеких звезд.

– А если нет? Прощай Межкосмос?

– Да почему... – доктор поморщился. – Ты что же, не знаешь, сколько в агентстве вакансий? Нормальные, деловые должности, да тебе необязательно кандидатскую защищать – с руками и ногами оторвут хоть сюда, хоть на Свободный. А то, может, экзотики хочешь?.. Так вот тебе Вэньчан, вот тебе Канаверал... Позвони мне. Или подойди лично, но решение – прими. Раз и навсегда. Все понял?

– Понял, – хотя подмывало ответить: «Так точно!..»

– Вот и молодец. Все, отметку я поставил, иди к терапевту.

После медосмотра будущих пассажиров орбитального самолета заселяют в кубрик на десять человек. Белые стены, кровати с белоснежными простынями, посередине стол в виде кляксы (белой), во всю стену окно со светофильтром, за окном аллея с елочками. Еду привозят в кубрик, врачи приходят сами, два раза в день. Сиди себе.

«Карантин – самая важная часть пути, – внушали им преподаватели. – Врачи могут поставить „годен“, могут отстранить человека по медицинским показателям, но никто не сможет создать положительный настрой в коллективе людей, собравшихся в далекое и опасное путешествие. Это ваше дело. Никого не оставляйте наедине с собой, общайтесь; как бы ни был человек вам лично неприятен, ищите в нем положительные стороны. Начинайте с людей, симпатичных лично вам».

– Мадемуазель, разрешите... – Яков строго следовал инструкции.

– Ах, мерси, – девушка приняла тарелку с салатом.

Десять человек, пассажиры орбитального самолета «Волга», впервые увидели друг друга за обедом. Совместный прием пищи с самого начала предполагал доброжелательный настрой в коллективе, и никто не собирался упустить шанс произвести хорошее впечатление, особенно когда это впечатление предполагается производить на красивую девушку.

А девушка была чудо как хороша. Их обрядили в казенные серые пижамы, которые на мужчинах сидели вкривь и вкось и совершенно не подчеркивали женские прелести, но конкретно эту представительницу прекрасного пола пижама облегла так, что... Может быть, дело было в крас ивой, немного грустной улыбке, тенью мелькавшей на губах. Может, глаза – большие, карие, с длинными ресницами, смотрели так. Может, та же улыбка трогательно морщила правильной формы нос...

– Месье француз? – спросила прекрасная незнакомка.

– Ну дык блин, – отозвался Яков. – Яков.

– Светлана.

– Вы летите на Луну? – Ближайшие пять лет Якову предстояло управлять движением межпланетных буксиров на окололунной орбите, дело свое он знал, любил, и девушек любил, и очень хотел, чтобы Светлана направлялась к Луне...

– Нет, мне немножко дальше.

– Неужели на «Циолковский»? – удивился крепкий сухопарый мужчина азиатской внешности.

Он подмигнул Якову и в раскосых глазах заиграли искорки.

– Нет, мне на «Поллукс Виктори».

– У-у, – Яков поднял руки, – вот кто нас обскакал. Он указал подбородком на Прошина.

– А вам на «Викторию»? – спросила Светлана.

– Да, – пробормотал Иван, краснея.

– Засмущали парня. Света, мы вдвоем на МТ, – сказала Рута и представила всю компанию: – Я Рута, это Толик, мой муж, это Иван, а этот Казанова уже представился. Ваня, ну ты теперь присматривай за Светланой.

– А за мной надо присматривать? – Светлана позволила себе чуть нахмуриться.

– Света, не обижайся, – улыбнулся Толик, – новичку сложно ориентироваться на космической станции, а Иван у нас опытный товарищ, подскажет, поможет где что. Ему даже зарплату за это добавляют, – он подмигнул Прошину.

– Ну, уговорили, – рассмеялась Светлана. – Циолковский – это ведь ученый?

– И ученый, и кочующая станция у газовых гигантов. С вашего позволения – Алтай. Алтай Жунусов.

– Очень приятно.

– Рута, и нас представьте, – попросила импозантная дама средних лет, сидевшая рядом с мужчиной, похожим на нее так, что всем было ясно – это семейная пара.

– Да, – спохватилась Рута, – это наши коллеги, Ежи и Марица, наши с Толиком, в смысле... Мы вчетвером летим на Океан. Ребята, а вы?..

– Мы на Марс, – молодые люди, Любовь и Владимир, сидевшие подле океанологов, оказались учителями географии, отправленными на Красную планету после окончания института.

– Так география же, – Яков сделал упор на слоге «гео», – а вы на Марс, там уже вроде марсография должна быть.

– Да сколько той марсографии, – в тон ему ответил Владимир. – А детишкам надо родину знать, Межкосмос готовит программу реабилитации, будет вывозить марсиан на Землю.

– А вы на орбиту или на планете будете жить? – спросила Рута.

– Школу открывают в Ново-Николаевске, – ответила Любовь, – марсиане деток собирают на планете, детям невесомость особенно вредна.

– Вот жизнь, – вздохнул Алтай, – и на Марсе человеку семья нужна, дети... Своей школы на Марсе не было?

– Нет, – ответил Владимир, – они где сами справлялись, где видеоуроки включали. А сейчас Минобр дал команду открывать общеобразовательную школу и принимать марсиан в земные вузы без экзаменов. Ну, в смысле, только родившихся на Марсе.

– Да им и так везде все без очереди, – пробормотал Яков.

– Это если они сумеют адаптироваться, – заметила Светлана и спросила: – Вас по распределению послали?

– Ну, был конкурс, – сказала Любовь, – по всем вузам России. Им же надо целую школу укомплектовать...

Полетели дни карантина – десять дней процедур, физических упражнений и прочих ухищрений, призванных помочь человеку выбраться из земной колыбели и выжить под жестким светом звезд. Кроме того, отправлявшимся на другие миры предстояло пройти курс первичной адаптации к условиям планеты: прививки, после которых очень хотелось спать, питательные коктейли, провоцировавшие метеоризм и превращавшие весь карантин в сонную беготню вокруг туалета, посещение барокамеры, воспроизводящей атмосферу Холта, Муромы и Океана. Присадили метку-маркер, инъекцию наномашин, расплзшихся под кожей – метка показывает местонахождение космонавта в пределах досягаемости связи, так что тянуть волюнку в космосе не получается – начальство тебя видит двадцать четыре на семь. На глаза положили бионические линзы. На грунте эта штука не каждому по карману, люди предпочитают пользоваться i-очками, а на космической станции без них невозможно пользоваться метками дополненной реальности, помогавшими ориентироваться в паутине путепроводов.

Прошин стоял у окна. За окном накрапывал дождик – редкость для этих мест. По стеклу ползли капли воды, елочки на аллее Космонавтов умылись и, кроме одной бедолажки, зазеленели стройными красавицами; подрагивала травка под деревьями.

– Никогда не думала, что космос начинается с... – Светлана запнулась.

– С туалета? – также глядя в окно, спросил Прошин. – Да, такая вот специфика.

– Это обязательно... такие мучения?

– Да, – Иван вздохнул. – Врачи выясняют, можем ли мы существовать в условиях чужой планеты... да и в космосе, на борту корабля надо выжить.

– А есть люди, которые не могут... которым нельзя?..

– Да, есть. В космосе ты постоянно под напряжением – в обшивке космического корабля генерируется электромагнитное поле, по-другому не защититься от жесткого излучения, на планете надо что-то есть, дышать местным воздухом – бывает, не получается у человека адаптироваться.

– Да-да, я, конечно, все это читала, учила... но читать одно, а на себе испытать...

– Совсем другое, да, – Иван улыбнулся.

Прошин позволил себе бросить взгляд на собеседницу. Светлана смотрела на него, чуть улыбаясь, и он поспешил отвести глаза и потом поспешил скрыть, что отвел глаза, и потом...

– А что значат эти буквы и цифры? – спросила Светлана после пары секунд таких перегадок.

– Линзы прижились? – спросил в ответ Иван.

– Ну да. Это, наверное, невежливо?

– Да, без особой необходимости лучше не разворачивать AR-метку человека. Или попросить разрешения, – Прошин улыбнулся. – Но мое разрешение у вас есть.

– Спасибо. Я запомню, – сказала Светлана.

– Буквы – это Марс. Я только вернулся с командировки. Цифры – год, номер миссии и выбранная доза радиации.

– Радиация желтым, – заметила Светлана.

– А они у всех, кто только побывал на орбите, желтые. Работать и работать, – вздохнул Иван. – Ты себе талисман выбрала?

– Нет еще. А я вот и хотела спросить кого-нибудь, как это можно...

– Ну просто. Достань планшет. Когда наденем комбинезоны, управлять сетью будет – пальчиком пошевели, и готово. А пока так.

– Достала.

– Личный кабинет в Межкосмосе. Вы зарегистрированы?

– Конечно.

– Ну вот галерея талисманов, которые брали с собой космонавты когда-нибудь. Можешь любую игрушку.

– Да я с собой взяла...

– Тебе никто не даст лишнее место занимать ни в корабле, ни на станции. – Прошин покачал головой. – Вы знаете, сколько народу там?... – он ткнул пальцем в небо. – Талисман виртуальный, видимый только для вас. Персональный индикатор невесомости.

– А у тебя есть? – в глазах Светланы заиграли искорки. – Показать можешь?

– Ну... – Прошин замялся.

– Ладно, – девушка подняла руки, – не хочешь – как хочешь.

Прошин молча провел пальцем по экрану устройства.

– Ой, – на экране появился малыш, одетый в цветастую рубашонку и темные штанишки, с виноватой улыбкой на кукольном личике. – Растрепка...

Прошин смущенно потупился.

– Скажите, Иван, мы на орбиту... быстро прилетим? – спросила девушка.

Прошин вздохнул.

– Ну как сказать... да быстро, в общем. Готовиться дольше. Сначала нас рассадят в самолете, будем ждать проверку, диагностику, погода опять же – на Байконуре в это время осадков нет, а это, – он кивнул на окно, – мое счастье, что ли...

– А потом?

– Зажгут двигатели, и мы так – фьюить!.. – Прошин махнул рукой. – Со стола отделение плавное, в первый раз люди и не чувствуют ничего, потом постепенно перегрузка наваливается... ну там дышать немного трудно... но только немного, ничего страшного нет. А дальше – только продышался, и уже на орбите.

– И все?

– Ну как все... с орбиты еще до техцентра добраться надо, а там по какой схеме пойдем. Если ЦУП даст добро на один виток – хорошо, а нет, так тоже бывает, придется почти сутки вокруг шарика накручивать.

– Ой, вас послушать самое страшное, выходит, своего дожидаться, – усмехнулась Светлана.

– А в том и дело, – Прошин улыбнулся в ответ, – ремесло такое, ждать и догонять.

– Ну, хорошо, мы добрались до техцентра, а дальше?

– Вот не поверишь, – Прошин рискнул окончательно перейти на ты, – дальше опять ждать. Пассажиров межзвездного транспорта привезут двумя рейсами с Земли и с Луны, кто-то с Марса должен быть, вот и будем ждать, пока соберут наш рейс. Потом стартуем.

– ТЭМ большой? То есть я видела картинки, у нас в Уфе целый музей собрали, модель ТЭМа стоит, но так, живую...

– Так большой, а так не очень, – Прошин поспешил пояснить: – Он, понимаешь, в длину сто пятьдесят и в ширину сто метров, только большая часть длины и ширины приходится на решетчатые конструкции – фермы, трубопроводы, солнечные батареи...

– А зачем солнечные батареи?

– Аварийное питание. На фермах с одной стороны жилой отсек, с другой – реактор и блок двигателей. Здоровая такая дура, только полезный объем шестьсот кубов кое-как. Не поняла?

– Не очень.

– Ну, это как один подъезд девятиэтажного дома, только в доме большая часть приходится на квартиры, а на ТЭМке примерно треть от всех «квартир» занимает рубка управления.

– А как мы там жить будем?

– Жилой отсек разбит на кубрики, в каждом по четыре ложементы. Ну, кают-компания есть... но в основном вся жизнь идет в кубриках.

– Это из-за излучения.

– Да. Я все забываю, что ты медик. Большой жилой отсек сделать не получается, потому что тогда придется генерировать электромагнитное поле на большей площади, а это вредно для человека. Вот, нашли компромисс.

– Скучно будет.

– Да не успеешь соскучиться. Лететь десять дней, так что...

– Это похоже на старт с Байконура?

– Нет, совсем нет. Просто в космосе два корабля расстыковались – один полетел в одну сторону, другой в другую.

– Я, наверное, крошки съесть не смогу...

– Ну поначалу да. Привыкнуть надо.

– А ты много летал?

– Как сказать... Вообще много. Но половина командировок у нас по планете – в Китай, в Индию, а в космосе я на орбите был, на Луне, на Марс была командировка. К звездам не летал, туда лучше либо в один конец лететь, либо раз слетал, и хватит.

– Не хочешь лететь?

– Хочу – не хочу... надо, – Прошин вздохнул. – А ты? На Муроме своих врачей нет?

– У меня в семье все врачи – мама, папа, дедушка с бабушкой, брат старший, – Светлана улыбнулась. – Что?..

– Ваша улыбка, – сказал Прошин. – Тысяча звезд...

– Ловелас, – Светлана, смеясь, шлепнула его по плечу.

– Да ладно, ловелас вон на гитаре тренькает... – Прошин засмеялся вслед за девушкой. – Так что там с семьей?

– Династия, – сказала Светлана, – все врачи, все разговоры дома про медицину, когда пришла пора выбирать профессию... выбора-то и не было.

– Нет, это понятно... но ты же собралась лететь... Ты вообще представляешь себе, как это далеко?

– На Муроме сложная микробиологическая обстановка, – сказал Светлана, – жаркий влажный климат, много животных, растений. Дети постоянно болеют, карантин объявляется по всей колонии, не то что в одном городе, а врачей-специалистов, у кого за плечами школа, там нет и готовить некогда.

– И отправили тебя?

– Я сама попросила.

– Да? Понятно... – хрупкая девушка без нытья и лишних рассуждений собиралась отправиться в Бездну просто потому, что считала это своим долгом.

Прошин спрятал глаза.

– Нам, кстати, пора. У тебя что, опять уколы?

– Нет, я закончила. Барокамера, по-моему, – Светлана достала планшет.

– А мне один остался. Только сначала я сюда загляну, – Прошин кивнул в сторону двери с табличкой «М». – Звезды зовут.

Весь оставшийся день Прошин вспоминал этот разговор и улыбался. Психологу он позвонил так же – улыбаясь.

Тот Самый День начался обыденно: подъем, зарядка-завтрак, личное время... После обеда пассажиров и экипаж самолета собрали на брифинг.

– Здравствуйте, товарищи, – начальник оперативной группы осмотрел зал, кивнул экипажу орбитера. – Начинаем совещание Госкомиссии по поводу старта орбитального самолета «Волга», рейс номер ноль девять ноль пять. Присутствуют: председатель Госкомиссии, начальник оперативной службы космодрома Байконур Пашкевич, руководитель группы медицинского обеспечения Магомедова, начальник штаба оперативной группы Мажейка, представитель завода-изготовителя, Коновалов, научный консультант Трифонов, экипаж орбитального самолета, пассажиры. Время на часах шестнадцать ноль три, запись ведется. Председатель сделал паузу.

– Начнем с людей. Пассажиры, доложить самочувствие, может быть, есть просьбы, претензии к работе медицинской службы, персоналу гостиницы?.. – Жалоб не было. – Хорошо, Светлана Сергеевна, состояние здоровья позволяет допустить к полету членов экипажа, пассажиров орбитального самолета?

– Да, позволяет, – прозвучал четкий ответ.

– Вас понял. Раймондас Марюсович, доложите готовность самолета.

– Профилактические работы проведены согласно графика. – Раймондас здорово сдал за это время. Одни глаза остались... – Все системы работают нормально, претензий к заводу-изготовителю нет.

– Вас понял. Виктор Петрович, что нам ЦУП скажет?

– Предварительно получено согласие на обновитковую схему полета. – В зале оживились, Алтай явственно сказал: «Правильно».

– Погода?

– Солнечно, ветер три метра в секунду.

– Вас понял. Вопросы будут?

Вопросов не возникло. Космонавтов повели на процедуры.

Душ, обработка кожных покровов. Выдали комбинезоны – светло-серое одеяние с панелью системы жизнеобеспечения на груди слева и метками дополненной реальности на груди справа и на обоих рукавах, уровень противорадиационной защиты А (легкий), подгоняется по размеру на месте (с него пошла мода на гражданскую одежду плавающего размера). Скафандры полагались пилотам орбитера, пассажиров защищали капсулы безопасности.

Автобус до космодрома. Обтекаемые формы кузова, мягкий салон с современной мультимедиа и – древний Байконурский обычай: мальчики направо, девочки налево...

Площадка 45. Ангар МИКа, надвинутый на серебристый самолет с двумя толстенными трубами разгонных блоков под крыльями. До кабины подъем на лифте, посадка согласно расписанию...

Всю пилотируемую космонавтику на планете обслуживали четыре космодрома: американцы поднимались на орбиту из благодной Флориды, китайцы стартовали из курортного Вэньчана и садились на недавно отвоеванную у океана посадочную полосу, индусы заходили на посадку вдоль Бенгальского залива, мы использовали старый добрый Байконур. Остальные участники космической деятельности либо ограничивались арендой места в орбитере как Европа, уже столетие как пытающаяся выстроить собственный космический центр, либо отправкой одноразовых кораблей (пилотируемых или капсул безопасности) как Иран, Япония и Бразилия.

Каждому космодрому полагалось шесть орбитеров: четыре в работе, два на обслуживании. Американские и индийские «шаттлы» Прошин знал только по названиям, на китайском «Фуси» ему пришлось разочек слетать туда-сюда (оба раза попал на один самолет), зато свои кораблики, названные по именам русских рек, Иван вдоль и поперек исползал, когда на третьем курсе загребел на практику в стартовую команду. Они подрались тогда в общаге – с Вовкой же и подрались, Иван поддел его за несданный зачет, а Рыжий полез кулаками махать. Это бы ничего, никто бы не узнал, но они, пока мирились, разодрались с нарядом полиции и дружбу крепили уже в трезвяке, поэтому практику вместо «Академика Вернадского», «Виманы» или «Циолковского», за что причитались немаленькие премиальные, оба проходили в службе Байконура. Прошин знал и «Амур», и «Днепр», и «Енисей», и «Волгу», на которой им предстояло отправляться на орбиту, и хотя «Дон» с «Камой» на момент его практики увезли в Самару, про них Иван тоже кое-что мог рассказать.

Начинал с самых низов. Техник по ЛАиД, слон, мордovorот, Раймондасу, конечно, рассказали, что к чему, и они с Рыжим то меняли тормоза шасси, заливаясь отработкой с головы до пят (неопытные оба, что возьмешь), то крепили шланги гидравлики, а сколько радости было, когда на «Днепре» полетела заслонка в говнобаке... Им с Вованом выделили подсобку, открыли на фиг окна (а зима на Байконуре – это зима на Байконуре), и они ковырялись в зловонных внутренностях агрегата, водворяя на место оторвавшуюся пружинку.

Прошин сморщил нос.

– Сокол-100, самочувствие? – раздалось в наушниках.

– Сокол-100, самочувствие норма. – Пассажиры в орбитальном самолете сидят сразу за кабиной пилотов в два ряда. Мягко светится потолок, окрашивая внутренности салона светло-зеленым, нет привычных рядов кресел как в обычном самолете, ложементы выполнены в приливах корпуса капсулы безопасности так, чтобы космонавт встречал стартовые перегрузки лежа, а на орбите можно собрать ложемент мягким креслом, можно надуть спальник, если дорога дальняя. В стенке возле колена – лючок со шлангами туалета, на уровне груди тоже лючок, под ним НАЗ, носимый аварийный запас, где чего только нет...

Оружия нет. Оружие у экипажа, ребятам полагается пистолет с запасной обоймой, но это на старушке-Земле, где все зверье посчитано, учтено и радиомаяками снабжено; в Колониях, говорят, пилоты возят целый арсенал на случай аварийной посадки, и космонавты еще стволы таскают. «Теперь точно знать буду», – подумал Прошин.

– Ребята, объявили предстартовую готовность, – сказал командир по внутренней связи. – Жалобы, пожелания?..

– Легкой дорожки нам, – крикнула Любовь. Недовольное замечание ее мужа потонуло среди одобрительных восклицаний прочих пассажиров корабля.

– Начинаем отсчет, – сказал командир, дождавшись, пока в салоне установилась тишина.

Мысли о предстоящем путешествии больше не вызывали оскотины, он снова был космонавтом-профессионалом, плоть от плоти покорителей Вселенной, сделавших сказку былью

и, дали б только команду, Бога войны усадивших яблонями, и предстоял ему старт на колеснице, запряженной огненными жеребцами, и... и видела б Светлана! Прошин повернул голову, но из соседнего кресла благожелательно улыбалась Марица. Иван криво улыбнулся в ответ – предмет его вожделений находился далеко впереди, рядом с Яковым, и, судя по доносящемуся смеху, гитарист и сердцеед времени не терял.

Тянулись минуты. Наземные службы проверяли самолет, проверяли разгонники, запрашивали самочувствие экипажа и пассажиров, а потом перепроверяли проверенное...

– Внимание, пассажирам приготовиться!... – Пилотов Прошин не знал. Со Свободного ребята, учились в Челябине.

– Ребята, все хорошо? – крикнул капитан.

– Хорошо!... – на разные лады отзывались пассажиры, а Прошин помахал рукой объективу видеокамеры перед ним и негромко сказал:

– Поехали.

– Ключ на старт, – прозвучало по внутренней связи. Отсчет.

Старт.

Как он и обещал Светлане, отделение со стартового стола мягкое, только весь самолет вздрагивает так, что становится понятно: обратной дороги нет. Двигатели режут где-то сзади-снизу, и дрожь от их работы проникает в самое сердце. Тяжесть на груди, словно мешок муки положили.

Разгонные блоки заканчивают работу на высоте шестидесяти километров. Толчок – турбина прямоточника выходит на рабочую мощность, и на грудь словно добавили мешочек. Жаль, все медиа отключено до выхода на орбиту, и ни вокруг не осмотришься, ни перемигнуться с кем-нибудь.

Но вот стало легче дышать. Вот – легкость в теле, предшествующая невесомости. Отключились, наконец, двигатели, слышно, как гудят вентиляторы, гоня воздух по кабине.

Домовенок поплыл по кабине – они на орбите.

– Пассажиры, внимание, – по внутренней связи сказал капитан, – мы успешно поднялись до высоты сто семнадцать километров, вас поздравляет ЦУП. (В салоне захлопали в ладоши.) Нам разрешена одновитковая схема, поэтому стыковка с техцентром через четыре с половиной часа. Сейчас можете воспользоваться туалетом, можете включить внешний обзор, у нас устойчивая связь с Землей, можете пообщаться с родными. Если есть какие-то вопросы, прошу, по внутренней связи. Спасибо.

Вопросов не возникло. Их хорошо подготовили во время карантина, и каждый пассажир мог если не разобрать-собрать приемник туалета, то уж точно знал где и как найти требуемое или включить мультимедийную систему.

Прошин невидящим взором уставился на экран. Поначалу Татьяна писала или звонила ему каждый вечер. Перед стартом он получил короткое: «Ни пуха», – и забыл ответить, словно натывать сообщение в мессенджере представлялось таким сложным делом. Помедлив, Иван достал планшет.

«Привет».

Сообщение пришло с задержкой. То ли связь такая, то ли абонент не абонент...

«Привет».

«Мы на орбите ».

«Поздравляю . Один виток?»

«Да, цуп добрый сегодня . Здесь связь хорошая, хочешь – поговорим?»

«Я занята, прости, пожалуйста ».

«А, хорошо».

Пока Иван соображал, чего бы ответить, пришло еще одно сообщение: «Так будет лучше».

...До самой стыковки Прошин сидел, бездумно глядя на экран перед собой, и так пропустил презанятнейшее зрелище.

Самолет будто висел в пространстве – одинокая серебристая птица, дерзнувшая бросить вызов бездне. Под огненным апельсином Солнца белым и голубым светилась планета. Над самым краем атмосферной дымки бледно-серым блюдцем висела Луна. Блестками на черном плаще вечной ночи горели звезды. Тихо и пустынно.

Он появился из-за шапки облаков над Южным полюсом – сначала едва видный золотистый росчерк, затем гриб... или болтик... Скользнул над Индийским океаном, приблизился так, что стало видно: шляпкой «гриба» притворялась сложная конструкция из колеса обитаемого отсека, радиаторов охлаждения под колесом и астрокуполом, венчавшим всю конструкцию. Еще ближе под секциями радиаторов стали видны стыковочные узлы с орбитальными самолетами, замершими, словно добыча диковинного арахнида; один летун, помеченный на экране значком CNSA, метеором чертил атмосферу над океаном. Примерно через двадцать минут ТТЦ серебристой тушей навис над самолетом и превратился в огромную махину.

Самолет серебристой рыбкой мало-помалу прижимался к створу шлюза, пилоты притирали аппараты, падавшие в пустоте, и Прошин, забывшись, включил монитор, наблюдая, как сходятся усики параванов.

– Орбита Земли – самое опасное место в Галактике, – говорили им, – отработанные ступени, старые спутники, метеоры и метеориты... Один малой тягой вяжет узел, и чтоб руки на управлении, ноги на педалях, а второй страхует, дублирует показания приборов и обзор выкручивает на триста шестьдесят. И думаем только про стыковку, а не про падших женщин!..

Самуэль подождал, пока просмеются желторотики, и продолжил:

– Серьезно, ребята, мысленно вы должны быть в переходной камере, помните – полет заканчивается, только когда можно за это выпить.

– Пассажиры, внимание, – сказал капитан «Волги», – стыковка с транспортно-техническим центром прошла успешно, прошу оставаться на своих местах, открываем шлюз...

Индикатор на браслете часов моргнул желтым и тут же позеленел – давление, температура воздуха в норме, хотя уши заложило крепко.

– Давление, температура в норме, – продолжил капитан, – прошу всех выйти, вас ждут медики, после медосмотра – обед.

Но первым, не считая парней из эвакуационной команды, принимавших пассажиров в шлюзе, их встретил...

– Васисуалий, – провозгласил Яков, едва ступив на упругий пол атриума. – Где водка?!

– А-а, гопнички, – улыбка во все тридцать два роскошных зуба казалась особенно яркой на фоне черной кожи лица, лицо казалось особенно черным на фоне белых и бежевых стен...

– Ну-ка потише, Вася, – Яков помог Светлане выбраться из шлюза. – Не при дамах.

– О, мадам, – еще шире улыбнулся Вася.

– Между прочим, мадемуазель, – отозвалась Светлана.

– Ты чего здесь делаешь? Неужели лечить нас будешь? – спросил Яков.

– Вы мне на фиг, разве вдруг мадемуазель мадам решит стать, – усмехнулся Вася.

– Спасибо, отрицательный ответ нуждается в формулировке, – сказала Светлана.

– Здорово, – сказал Прошин, руками помогая себе вытянуться из шлюз-шахты.

– Ага, здорово, Ваня... о, Рута... о, Толян, – Василий всплеснул руками, уморительно переворачиваясь вокруг своей оси. – Проведать меня решили?

– Да, конечно, – Рута ухватила парня за пятку, подтянула, чмокнула в щечку. Толик скривился.

– Мы на медосмотр, – сообщил Яков. – Ты что, в команду опоздал?

Он указал на парней в белом, задраивавших шлюз.

– Зачем, – Вася поморщился, – я к себе пробираюсь – мы только что «корову» порожняком отправили.

– А, ну я чувствую, гептилом воняет, – потянул носом Яков.

– Балбес, – немедленно отозвался Вася, – гептила тебе на одну понюшку хватит ласты завернуть. Вон лифт, дуйте к врачам да в столовку. А вы сами далеко собрались?

– Да кто куда, – уже разворачиваясь в указанном направлении, сказал Толик. – Мы на Океан, Ваня вот на Холт, Света на Муром, Яков на «Виману».

– А, так я тебя увижу, – прищурился Вася на Якова.

– Я тебе цистерну гептила заряджу, – пообещал тот. – А маршрут кто отмечать будет? Ну-ка к станку все!..

Вновь прибывшие вереницей потянулись к НИС-панели и далее к шахте путепровода.

– Ооп! – Рута с Толиком, смеясь, одним прыжком оказались в шахте, и, подхваченные потоком воздуха, взмыли вверх.

За ними уверенно последовал Алтай, чуть задержались Ежи с Марицей...

– Все нормально? – спросил Иван.

Светлана замерла подле створа путепровода, ведущего через весь транспортно-технический центр к жилому отсеку. Сразу шагнуть в трубу, один конец которой будто бы касается седьмого неба, а со второго конца, снизу, мерно дышит бездна, человеку, впервые оказавшемуся на ТТЦ, не так-то просто, вдобавок бионические линзы, ориентируясь по AR-меткам, тонкими линиями показывали контуры ответвлений путепровода – опытный космонавт видел всю станцию снизу доверху, а новичок еще больше путался и пугался. На этот случай новичкам полагались наставники, и Прошин спешил исполнить свою роль.

– Да, – ответила было Светлана. – То есть нет, конечно, нет... Поможешь?

– Давай руку, – при виде серьезного лица девушки Прошин едва сдержал улыбку. – На три – прыгай. Раз, два... Три!

Светлана несколько неуверенно оттолкнулась от настила, и они воспарили вверх, к вращающимся коридорам жилого отсека. Перед глазами плыли трубы и кабель-каналы, тянувшиеся по всей длине шахты лифта, один технический уровень, второй. Снизу будто бы дул теплый ветер; пахло сваркой.

– Аккуратно, – сказал Прошин, – сейчас нырнем в коридор... Ооп!..

Светлана неумело замахала руками, словно подбитая птица, и Прошину пришлось ловить девушку, развернувшись при этом ногами вперед. В мягком свете ламп они пролетели по коридору, сначала влекомые потоком воздуха, а затем центробежной силой раскручивающегося жилого отсека.

– Света, ты должна прийти на подушку ногами, – сказал Прошин. – Готова?..

Девушка только кивнула. Разворот вышел неуклюжим, но Светлана все-таки встала на ноги рядом с Иваном. Пошатнулась.

– Молодец, – сказал Прошин и был вознагражден слабой улыбкой.

– Мы лучшие... Теперь куда?

– Постой. Постой, – Иван сжал пальцы девушки. – Привыкни. Это не гравитация на Земле, это центробежная сила – пятки к полу прижимает, а голова в невесомости.

– Уж прям в невесомости, – усмехнулась Светлана.

– Ну... очень похоже. Давай, вдох-выдох... нормально? – Иван оглянулся по сторонам, глянул вверх: не одни все-таки на станции, как прыгнет кто-нибудь на голову...

Никого.

– Да, кажется...

– Сделай шаг... Оп!... – Светлана попыталась шагнуть, пошатнулась и с легким вскриком упала Ивану в объятия.

– Сколько счастья в одни руки, – пошутил Прошин. – Давай попробуй еще. Я держу. Освоилась?

– Да вроде бы. Но ты меня все равно держи, хорошо?

– Вообще не отпущу, – сказал Иван и под насмешливым взглядом девушки спрятал глаза.

– Куда идем? – спросила Светлана.

– Вот, по коридору, в медпункт.

Медпункт сиял. После атриума стыковочного узла с его серыми стенами, заляпанными контрольно-измерительными панелями, запахом сварки, шлангами и трубопроводами, свисающими с креплений, белоснежные переборки казались чертогами Снежной королевы, медбрат в белом комбинезоне, поднявшийся им навстречу, – Каем.

– Здравствуйте, я Кайл, – сказал «сказочный персонаж», – это у нас «Волга» прибыла?

– Да, «Волга»-матушка, – ответил Яков.

– Очень приятно. Отмечайтесь, доктор Кеилани примет вас через полчаса, а пока, если есть желание, можете принять душ.

– Да нам бы покушать уже, – сказал Алтай.

– Некоторые анализы можно сделать только натошак, – улыбнулся Кайл, – придется потерпеть.

– Опять что-то новенькое придумали, – проворчал Владимир. – Что там еще за анализы? Кайл только развел руками.

– В душ пойдете?

– Пойдем, – сказала Любовь и потянула мужа за рукав комбинезона. – Володя, пойдем.

Доктор Кеилани внезапно превратила обычный медосмотр в допрос с пристрастием.

– Только что кровью не расписались, – возмутился Владимир.

Кровью не кровью – молоденькое светило от медицины потребовало все свои заключения заверить цифровой подписью, а Якову пришлось проходить ЭКГ с нагрузкой. Спасло парня только близкое отправление транспорта к Луне, и Яков, бросив торопливое: «Пока!..» – полетел к путепроводу, будто вся медслужба ТТЦ преследовала нерадивого пациента.

– Даже покушать не успел, – покачала головой Марица.

– Его-то как раз не обидают, – сказал Алтай, – а вот мне так поесть хочется, что аж переночевать негде...

От голода их спас Кайл.

– Ребята, с прохождением...

– Спасибо, – прозвучало на разные лады в ответ.

– Суровая девушка, – сказал Алтай.

– Дотошная, – поддакнул Владимир.

– Да, всей станции прикурить дает, – Кайл расплылся в улыбке. – Но тетушка Кеилани дело знает, это не отнять... В столовую пойдете?

– Конечно, пойдем! – откликнулась Рута. – Что у вас тут, раздатка не барахлит?

– Все в порядке, – Кайл поиграл бровями, – если хотите, можно повара вызвать, но это, как говорится, за ваши деньги.

– Да мы и так сообразим, – сказал Прошин. – Пошли, что ли...

– А ты? – поинтересовалась Светлана.

– Хочу поболтать тут кое с кем, – ответил Иван. Он дождался, пока вся компания скроется в туннеле с меткой пищеблока, и обернулся к НИС-панели. Справочная без задержки выдала нужный номер.

– Да, слушаю. – Роскошной улыбки Прошин не дождался, напротив, недовольством можно было печь топить.

– Коджо, ты мне друг?

– А?.. Да зови уж Васей, чего там, – махнул рукой негр, зевая. – Чего хотел-то?..

Столовая сияла не хуже медсанчасти. Оно и неудивительно – за пищеблок отвечала та самая Кеилани, и здесь дотошность доктора прямо-таки радовала: переборки, мебель, одноразовая посуда, удерживаемая на местах центробежной силой вращающегося жилого отсека – все сияло чистотой, а меню радовало разнообразием, более того, блюда подавались по желанию посетителя, и съесть на обед то, что значилось в меню как ужин, не запрещалось. Когда Иван появился в столовой, его спутники закончили трапезу.

– Где был? – полюбопытствовал Толик. – Без тебя все вкусное съели.

– Да я тут... – замялся Прошин.

– Ой-ой-ой, – протянула Рута, глядя, как опоздавший тщательно прячет руки за спину, – да у нас тут романтика намечается...

– Засмущали парня, – сказала Марица, – красный весь...

– Света, можно тебя на секундочку? – На лице будто костер развели, но голос звучал твердо, хоть и стоило это немалых усилий.

– Зачем? – полюбопытствовала Светлана.

– Да не стесняйся, парень, – сказал Алтай, – все свои, что ты...

Иван вытащил из-за спины три маленькие розы. Марица явственно ахнула.

– Молодец! – сказала Рута.

– Красавчик! – поддержал Алтай. – С оранжереи? Пунцовый от смущения, Прошин только кивнул.

– Это мне? – Светлана недоверчиво смотрела на красные бутончики. – Сумасшедший... это же дорого...

– Света, я вас обрадую, – сказал Толик. – Они здесь не продаются ни за какие деньги.

– Да? – Светлана посмотрела на Прошина поверх букетика. – А как тогда...

– Вася, – сказала Рута. – Правильно?

– Ну... – ответил Иван.

– Да садись уже... донжуан.

– Их поставить надо куда-нибудь, – Света оглянулась по сторонам, но увы – одноразовая посуда, в которой подавали еду, для цветов никак не подходила.

– Цветы должны в таких вазочках храниться, – сказал Толик. – Не взял?

– Не сообразил, – под восхищенные вздохи девушек Прошин набросился на еду, смолотил обед, ужин, залил все пол-литрой компота...

– Как будто цветы выкапывал, – сказал Алтай. Прошин только ухмыльнулся в ответ.

Экипаж транспортно-технического центра насчитывал сто три человека – ни больше ни меньше. ТТЦ крутился на орбите ниже радиационных поясов под защитой магнитного поля Земли, поэтому все работы, что в помещениях, что в космосе, обходились без роботов, поэтому же столовая не пустовала никогда, и здесь сразу становились видны различия между людьми из экипажа техцентра и пассажирами, ожидающими свой корабль. Ребята из стартовой команды или, к примеру, экзоператоры, приходили в рабочих комбинезонах, в сбруе с инструментами, тут же сбрасываемой под стол, торопливо проглатывали еду и спешили к рабочему месту или расходились отдыхать. Рабочих рук не хватало, личного времени на вахте давали мало, и все, что удавалось выкроить, уходило на сон. Лунари тоже спешили. Лунный производственный комплекс, поставлявший все необходимое для Солнечной системы и еще четырех колоний, жил и работал в постоянном цейтноте, вечно у них там не хватало людей, времени, денег, и отбывающие на «Виману» или Гагарин спешили проглотить обед и быстрее-быстрее в стыковочный узел, а то лишат премии, уволят и Солнце погасят. Иное дело путешественники к

внешним планетам. Вот эти не торопятся – зачем?.. Межпланетный транспорт готовит экипаж ТТЦ, экипаж ТЭМа ведет корабль по маршруту Земля – Марс, освоенному и безопасному, земные тревоги уже отступили, заботы места назначения еще не волнуют... Курорт.

Так Прошин со товарищи успели поужинать под присмотром тетюшки Кеилани, ТТЦ успел сделать десять витков вокруг Земли, и за это время на станции собрались будущие пассажиры межзвездного транспорта. Поднялись еще четыре самолета: с Байконура, Канаверала, Вэньчана и снова с Байконура, техцентр заполнили пассажиры транспортно-энергетического модуля, не помещавшиеся в комнатах ожидания, вся эта орава создала серьезную нагрузку на систему жизнеобеспечения станции, и команда ТТЦ поспешила отправить корабль к Красной планете. Брифинг собрали прямо в атриуме стыковочного узла. Здесь царил невесомость, и все пространство от пола до потолка заполнили пятьдесят лиц – белых, черных, желтых, пятьдесят пар глаз смотрели на старшего помощника, возглавлявшего эвакуационную команду, и доктора Кеилани, еще два космонавта в белых комбинезонах и масках готовились открыть шлюз.

– Внимание! Прошу минуточку тишины! Транспортно-энергетический модуль «Восток» полностью готов к отправке! Тише, пожалуйста! – Старпом, высокий парень, веснушчатый, рыжий, как солнышком зацелованный, волновался, старательно перекрикивал гул вентиляторов, завывавших от нагрузки. – Давление, температура воздуха в норме, экипаж находится на борту! Сейчас эвакуационная команда откроет шлюз, прошу вас по одному проследовать на борт корабля! Не забудьте отметить маршрут! В случае проблем с самочувствием, обращайтесь к доктору! Вопросы будут? Молчание. Гул вентиляторов. Пятьдесят пар глаз.

– Ну, все, ребята, – сказал старпом, – с богом. Открывай!

Тяжелая шлюзовая дверь отвалилась в сторону, открыв стыковочный отсек. С другой стороны маленького помещения открывалась такая же дверь, ведущая в шлюзовую отсек «Востока» и, дальше по коридору, в салон корабля. Медленно, плавно, под внимательными взглядами парней из эвакуационных команд ТТЦ с одной стороны и ТЭМа с другой – пятьдесят человек один за другим последовали в шлюз.

Прошин кивнул «эвакуаторам» с «Востока». Ткнул браслетом на правой руке в терминал. НИС-панель с приветственным писком моргнула красным и крупным «4#3» – четвертый кубрик, третий ложемент. Белые панели коридора с красными поручнями – когда двигатели разовьют полную тягу, здесь можно будет ходить, а пока – что пол, что потолок – все едино. Аварийный шлюз, дверной проем кубрика. Внутри Рута, Алтай и парнишка из Краснодара Саша Ким, только поступивший в аспирантуру Института. Рута ругается – хотела лететь с мужем, но бездушный компьютер разместил Толика на три кубрика дальше. Саша хитро щурится.

– Ничего, – сказал Алтай, – потом поменяешься с кем-нибудь. Всех перетасовали.

Он подмигнул Ивану.

– Позвонить, что ли, – вздохнула Рута.

– Да все будет нормально, – сказал Прошин. – Я с Толиком поменяюсь.

– Правда? – обрадовалась Рута.

– Seriously, – Иван уселся в ложемент, пристегнул ремни.

– Внимание, – раздался голос речевого информатора, – прошу пассажиров и экипаж занять места согласно расписанию. Плюс пятнадцать минут.

– Давайте обзор включим, что ли, – сказал Саша.

– Они цепи тестят, – отозвалась Рута. – Вряд ли тебе дадут по сторонам разглядывать.

– Да, – вздохнул Саша, – не дадут.

Белые стены кубрика давили ожиданием. Саша расспрашивал Алтая про «Циолковского», оказалось, его направили к внешним планетам. Рута достала планшет и переписывалась с Толиком. Иван смотрел в потолок.

– Плюс десять минут, – объявила РИТа. – Приготовиться к закрытию шлюзов.

Заложило уши.

– Ваня, а ты знаешь, как тут обои включить? – спросила девушка. – Толик говорит, у них вид на океан.

– Да, с планшета можно, – Прошин достал устройство. – Вот, я в меню. Океан, тайга, весенняя степь... Что включим?

– Давай лес. Или степь лучше, а, Алтай?

– Без разницы, – сказал Жунусов. – Только чтоб не голые стены.

– Я слайдами пушу, – сказал Иван, и перед ними голубым и синим распахнулась гладь океана.

Возле дверного проема зеленел правильной формы островок.

– Ах, – сказала Рута, – вот где жить надо...

– Плюс пять минут, – ворвался в ее грезы голос РИТа. – Давление, температура на борту в норме, приготовиться к расстыковке.

Корабль явственно качнулся.

– Началось, – сказал Алтай.

Перед ними открывался вид на лесную чащу. Среди стволов вековых сосен в лучах солнца танцевали редкие пылинки, но все мысли людей, спеленатых в ложементы, были там, в безвоздушном пространстве, где щелкали замки шлюзов, окончательно обрывая связь модуля с громадой техцентра.

– Плюс три минуты, есть расстыковка, работают маневровые двигатели и двигатели коррекции, – провозгласила РИТа.

В невесомости быстро приучаешься чувствовать любое тяготение, организм словно тянет то в одну, то в другую сторону, хотя импульсы маневровых – крохи по сравнению с мощностью маршевого двигателя.

– Плюс шестьдесят секунд, реактор вышел на расчетную мощность, зажигание маршевого двигателя.

Саша азартно смотрит на лица компаньонов. Ему все в диковинку, все интересно, да и никто не может остаться безучастным в такой момент.

– Тридцать секунд, есть зажигание, тяга стабильна, все системы работают нормально.

Прошин невольно вжался в ложемент. Перед глазами раскинулась равнина под синим небом, от края до края зацветшая маками, но все его существо превратилось в ожидание, и пламя, рвущееся из дюз, бушевало в самом сердце...

– Старт!

Глава вторая

Пепелац

Острова архипелага Королевы Виктории ожерельем диковинных камней протянулись по линии перемены дат Холтвистла. Самым большим островом считался расположенный в Северном полушарии Вхету тропический рай площадью почти двести тридцать тысяч квадратных километров. На участке суши размером чуть меньше Великобритании росли раскидистые леса, невероятной красоты цветы, водились диковинные зверушки, спокойно идущие на контакт с человеком, в кронах деревьев вили гнезда фантастически красивые птицы. Неглубокие лагуны вокруг острова, из-за коралловых рифов недоступные для океанских хищников, стали настоящим раем для серферов и дайверов. Здесь граждане Федерального образования отдыхали от трудов и забот, здесь селились пенсионеры – на Вхету приземлялись самолеты с Аккрингтона и Корк Си, на прочие острова ходили паромы, между клочками суши курсировали прогулочные яхты. Последние, впрочем, могли себе позволить только действительно состоятельные люди: водилась здесь рыбка размером с кашалота и прожорливостью с пиранью, проворная тварь, способная перевернуть средних размеров судно, методично заглатывая затем пассажиров, поэтому паромы и прогулочные суда больше напоминали канонерские лодки.

Острова поменьше числились заповедниками в федеральной собственности или со времен Первой посадки переходили из рук в руки как собственность частная. Заповедники – Улимол, второй по величине остров архипелага, и Кримсонсби, одинокая скала посреди моря – охраняли уникальную экосистему, сложившуюся в речном бассейне, и берегли покой колонии мясистых птиц с огромными клювами. Частные владения, словно пародия на человеческую цивилизацию, пестрили разнообразием. На Ошере построили небольшой отель для состоятельных гостей – трехэтажное здание красного кирпича, окруженное хижинами на сваях, утопавшими в зелени, фасадом смотревшее на живописную лагуну острова. Кучу денег вбухали, отсыпая дамбу, дренируя болото в центре острова и облагораживая берега получившегося озера – да вот беда, не нашлось на Холте столько богатеев, и теперь свихнувшийся хозяин всего этого великолепия привидением бродил среди ветшающих зданий. Фуццу находился во власти культа Всемиловейшего Императора Всего Сущего. Император, импозантный старикан, повелел своим последователям носить шкуры животных, готовить пищу на огне и раз в месяц праздновать день единения со Вселенной, каковой день вычислялся Императором по фазам луны, а по сведениям из надежных источников – по степени готовности браги из плодов выюнка, задушившего все прочие растения на острове. Жизнь культа сводилась к беспробудному пьянству и свальному греху, сам Император когда-то проворовался в снабженцах, умело спрятав свои художества. На орду бухариков с явным неодобрением смотрели представители основных конфессий, власти устраивали регулярные инспекции на острове, беспокоясь о здоровье народившихся детишек. Инспекции сопровождался медосмотром всех желающих, раздачей одежды (Фуццу лежал в умеренном поясе, и зима здесь нет-нет, случалась весьма суровая) и сухих пайков, завезенных еще с Земли – а в общем, никто не мешал людям жить как вздумается.

На островах Св. Агапита, Бро и Пон-де-Ла-Руз стояли частные усадьбы. Владелец острова Св. Агапита недавно отдал богу душу, и его единственная дочь, не найдя ничего лучше, устраивала в огромном доме шумные вечеринки, на зависть Императору. На Бро, холмистом клочке суши с редкой порослью деревьев и обильными пастбищами, расположилось ранчо, названное Анхелита по имени жены владельца. Здесь скрещивали диких жеребцов и кобылок, пытаясь из лошади Туя вывести выючное животное для Холта, и, по чести сказать, делалось это

больше из любви к разной животинке, чем из реальной потребности, но лаборатория при ранчо давала любопытные результаты, привлекавшие внимание Сената Федерального образования.

Когда отец Юджина Дадли купил остров Пон-де-Ла-Руз (очень может быть, что к сделке приложил руку Император Всего Сущего, тогда обычный клерк в Управлении снабжения), клочок суши площадью чуть меньше семидесяти тысяч квадратных километров намертво зарос тропической растительностью. Переплетенные кроны деревьев не давали садиться вертолетам, а к берегу не давали подойти заросли мангрового леса, кишевшие пресмыкающимися и насекомыми, присматривавшимися к странным двуногим существам на предмет съедобно/несъедобно. Вертолеты на поплавках садились в устье реки, стекавшей с заснеженных вершин потухшего вулкана в центре острова, катера с людьми пробирались вверх по течению до тех пор, пока не уперлись в мелководный исток речки, только там и найдя пригодный для временной стоянки участок.

Потом всю живность на острове уничтожили.

Лес корчевали бульдозерами, пресмыкающихся убили, животных вывезли на другие острова или оставили в зоопарке, названном не без претензии «Ноев ковчег». Подобное варварство не могло остаться незамеченным – память о подобных коллизиях на Земле заставляла руководство Колонии спешно отгораживать заповедники, ставить на учет живность на планете, и ректор главного вуза на Холте, Чарльз Симпсон, обрушился на семейство Дадли, клеймя вандалов в Сенате. Сенат колебался. На Пон-де-Ла-Руз прилетали одна за другой комиссии, привозя с острова противоречивые заключения, и несдобровать бы семейке, но тут Симпсон соблазнился смазливой первокурсницей и не сумел скрыть свои похождения. Разразился скандал на всю планету (всей планеты едва-едва миллион человек набирался), после чего ректор, крепкий семидесятилетний мужик, вполне способный прожить еще лет сорок, умер от переживаний. Дело замяли.

Теперь от первозданных зарослей не осталось и следа – редкие деревья высились над полем вечнозеленой травы, расчерченным сеткой гаревых дорожек. Устье реки раскопали, осушили болото вверх по течению, превратив трясиину в большую заводь с пляжем и стоянкой для яхт. Здесь швартовалась «Куин Элизабет» – яхта Дадли, настоящий крейсер, способный выдержать переход через беспокойный океан Холта. У мостков стояли несколько моторных лодок, и на пляже валялись брошенные как попало гребные ялики да пара водных мотоциклов. Отсыпанная песком дорожка вела к длинному строению с жильем для прислуги, мастерской, складом и вольерами «Ноева ковчега». Перед усадьбой, огромным строением белого камня с колоннами и огромной лестницей, разбили поле для игры в мяч, отгородили детскую площадку с качелями и веревочным городком. Под ласковым солнышком легкий ветерок шелестел листьями деревьев, высаженных так, чтобы каждый уголок усадьбы согрелся под лучами солнца, а затем отдохнул в тени.

Идиллия. Рай. Беда в том, что рай, расчерченный по линейке, – это ад.

Обед подали в Белом зале. Горничные в закрытых коричневых платьях до пят и накрахмаленных передничках споро передавали тарелки, чашки и прочий столовый прибор на белую скатерть стола. Белые тарелки тончайшего фарфора в полной тишине, будто сами собой, заполнялись кушаньями, в высокие фужеры булькало вино для взрослых и свежавыжатый сок для детей. Подавали суп из чальсы, мясо апаи с гарниром из овощей, круглый год растущих на грядках, разбитых у подножья вулкана, салат с мясом угря, десерт. Розеточки с вареньем из темно-красных плодов кустарника барден, служившего живой изгородью в южных широтах, и лепестков тропического цветка жюви стояли по всему столу – это было любимое лакомство обитателей поместья, но дети не смели протянуть руку к посудинкам со сладостью: два мальчика в черных брюках, белых рубашечках и девочка в кринолиновом платье с кружевами и бантом чинно наблюдали, как заполняются их тарелки, чтобы вслед за хозяином поместья приступить к трапезе.

Их мать, статная молодая женщина в блузке, соблазнительно вздымавшейся на груди, и белых брюках, внимательно наблюдала, как ведут себя дети. Черные волосы женщины удерживала золотая заколка с большим камнем, на груди вились сразу три золотые цепочки, и золотые же кольца тяготили холеные пальцы, нервно сжимавшиеся при каждом движении мальчиков.

Юджин Дадли сидел во главе стола. Задавая тон обитателям поместья, Дадли надел черные брюки свободного покроя, легкие туфли и белую рубашку, позволив себе закатать рукава. Легкий ветерок из полуоткрытого окна за спиной легонько трепал его седые волосы, ничуть не поредевшие к пятидесяти годам. Время выбелило его шевелюру, высекло морщины на лице и отступило, оставив тело, словно скрученное из тугих жгутов мышц, полным энергии. Его прадед принимал Первую посадку – и умер от лучевой болезни, его дед строил Корк Си и Аккрингтон – и все силы отдал первым поселениям колонистов, его отцу доверили подписать план строительства Москвы и отдали в единоличное владение остров, закрыв глаза на устроенный человеком катаклизм – отец Дадли упал за борт яхты, загнав себе в кровь три кубика дряни, синтезированной из большого красного цветка, растущего на болотах вокруг Корк Си.

Наркотики Дадли презирал, полагая наркоманов законченными эгоистами, из любви к себе променявшими жизнь на дозу. Сквозь пальцы смотрел на шалости Марселя, самого старого ковбоя, любителя экспериментов с самогонным аппаратом, в День посадки надиравшегося в хламину. Напитки Марселя уважали все – даже мадам хозяйка прикладывалась к маленькой бутылочке с «коньяком»... Дадли пил вино. Бокал за обедом, для здоровья – любимым напитком хозяина была вода с ручья в тридцати километрах к западу. Там, среди нагромождения каменных плит, в окружении красавцев-рапангуанов пробивал дорогу бойкий поток с гор. Чистая ледяная вода – Дадли помнил рассказы деда, как на борту Платформы им приходилось отчитываться за каждый глоток воды, как ловили в тарелке с витаминизированным бульоном («Зеленый сойлент», – кривился дед) кусочки овощей и отправляли петицию Капитану, чтобы в жилых отсеках повысили содержание кислорода, потому что работа завода газовых смесей перегружала реактор. Энергию экономили – а в отсеках от недостатка кислорода синели дети. В поместье всегда питались обильно и вовремя. Везде стояли кулеры с бутилированной водой, и кара ждала нерадивую прислугу, если хозяин находил пустую бутылку или автомат оказывался без стаканов.

– Роберт, не вертись, – сказал Дадли ровно за секунду до того, как старший сын поддел под руку горничную с полным подносом и по залу пронесся грохот бьющихся тарелок, кружек, блюдеч...

Девушка замерла под внимательным взглядом хозяина. Дадли мог отчитать провинившегося, методично перебирая все прегрешения, тихим голосом будто забираясь в подкорку. Мог наказать, лишив денежного содержания. А мог повелеть Марселю снарядить большую моторку – из тех, что для моря были слишком маленькие, а для реки слишком большие – и вывести несчастного на середину реки. На острове не осталось хищников, ядовитых насекомых или растений, но в реку откуда-то заплывали здоровенные змеи, и никак не получалось вывести маленького такого жучка, к настоящему моменту решившего, что человеческое тело может быть очень неплохим домом. Моторка выходила на середину реки, пассажиру предлагали доплыть до мостков с яхтой, преодолев течение и увернувшись от пресмыкающихся. На памяти девушки, выживших не было.

– Я жду вас вечером, – кивнул Дадли горничной.

Девушка торопливо закивала. Хозяйка поджала губы – Дадли не считал нужным скрывать интрижки со смазливymi девицами из obsługi. Разделение общества, сложившееся еще на Платформе, позволило одним купаться в роскоши и пользоваться неограниченной властью, другим, молчаливому большинству, как семья этой девушки, ставшей женой Юджина Дадли прямо с подиума конкурса красоты, довольствоваться крохами с барского стола. Как это часто

бывает, амбиции молодой женщины привели в золотую клетку. Жить в ней противно. Вылететь страшно.

Взгляд Дадли обратился на сына. Мальчик съежился. Он уже *видел*.

– Встань, – негромко сказал его отец.

– Юджин... – начала было хозяйка.

– Когда я захочу услышать ваш голос – я так и скажу, – оборвал ее муж и продолжил, обращаясь к замершему по стойке смирно мальчику: – Я не понимаю, молодой сэр, почему ваша непоседливость нашла выход за обеденным столом. У нас есть поле для игры в мяч. Есть тренажерный зал. В чем дело?

Мальчик что-то пробормотал.

– Что? Я не расслышал вас.

– Я сожалею, – сказал Роберт Дадли.

– Ах вот как – вы сожалеете. Ну что же. Я не желаю сажать своего сына на хлеб и воду, не имею права подвергать вас истязаниям, поэтому наказание, кроме того, что позволит вам сбросить лишнюю энергию, послужит вашему физическому развитию.

Мальчик бросил взгляд на мать, но та уставилась в тарелку с салатом.

Мальчик бежал по гравейной дорожке. Красновато-коричневый материал, разделенный белыми линиями на участки равной ширины, четырехсотметровым овалом ограничивал поле для игры в мяч и детский городок. Светило солнце. Дул ветер.

– Достаточно, – Дадли пришлось повторить команду, повысив голос: – Достаточно! Перейдите, пожалуйста, к упражнениям. И не останавливайтесь.

Семейство переместилось на детскую площадку. Здесь у стартовой линии поставили стол, стулья, на белоснежной скатерти расставили розетки с вареньем, конфеты, прочие сладости и графины с соком и вином. Две горничные стояли возле тележки со снедью и посудой.

Мальчик тяжело дышал. От бега, от солнца он покраснел, и если бы не съеденное за обедом, легкая пробежка стала для него удовольствием. Но удовольствие в планы Дадли не входило.

– Не останавливайтесь, – повторил Дадли. – Земля не спрашивала своих детей, хотят ли они вступить в борьбу с целым миром, Земля гнала нас вперед, и мы выдержали. Выдержите и вы.

Детский городок представлял собой надувную полосу препятствий – такие часто ставят на улицах и в торговых центрах, чтобы за небольшую плату ребятня побарахталась среди брезентовых столбов не первой свежести. Мальчик скрылся среди лабиринта дутой ткани. Белая рубашка – Дадли не позволил сыну переодеться – замелькала среди толстых труб, компрессор, надувающий конструкцию, взял ноту, вся конструкция заколыхалась.

– Еще, – скомандовал Дадли, едва только запыхавшийся и покрасневший мальчуган остановился подле стола.

– Еще.

– Еще.

– Сэр... – молодой мужчина в высоких кроссовках, джинсах, футболке, с белой бейсболкой на голове, почтительно наклонился к хозяину.

– Да? Еще.

– Прибыл мистер Сингх.

– Хорошо. Просите в кабинет. В чем дело? – спросил Дадли сына.

– Я не могу больше, – с вызовом ответил мальчик.

– Нет, мой милый, не могу – это когда у вас сил нет сказать «не могу». Бегом!

– Он к вам рвется. Говорит, срочно, – работник уставился на собственные кроссовки.

– Ну, давай сюда. Еще.

– Не могу!.. – Слова с трудом вырывались изо рта мальчонки. Его лицо позеленело – печень не справлялась с нагрузкой.

– Бегом!!! – Дадли навис над сыном. – Ни слова больше – иначе я отправлю вас на реку!..

– Юджин...

– Молчать!

После очередного круга мальчик упал. Маленькое тельце тряслось. Полупереваренные куски съеденного за обедом с утробным бульканьем, с хриплыми вздохами исторгались наружу. Смертельная бледность разлилась по лицу.

– Вот теперь вы не можете, – сказал Дадли и велел работнику: – Возьмите молодого человека, покажите доктору. Думаю, ничего страшного не случилось, достаточно бокала вина с водой... Но пусть посмотрит.

Работник подхватил мальчика на руки и рванулся в сторону дома, чуть не сбив при этом высокого мужчину в белом костюме и белых же туфлях.

– Здравствуй, Рам, – сказал Дадли, и ответная улыбка в тридцать два зуба осветила смуглое лицо гостя.

– Здравствуй, Юджин, – мужчины обнялись. Гостя звали Рамакхандр Сингх. Официально его должность называлась президент Федерального образования Холт, политической единицы с юрисдикцией, распространяющейся на всю планету. Должность Сингх занимал, прямо скажем, непыльную: на Земле президент ФО, генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, работал в поте лица – от его решения зависела судьба миллиардов. В Колониях и особенно здесь, на Холте, мало кто понимал, зачем нужен Сенат Федерального образования. Вся населенная территория планеты состояла из городских округов Корк Си, Аккрингтона и Москвы, не считая поселков в Туманных горах и Арьяга, столицы Вхету. Городские власти вели учет родившихся и умерших, распределяли ресурсы, сообща решали, где какой завод открыть или какую территорию отдать фермерам под расчистку, сообщая президенту о своих решениях задним числом. А то и не сообщали вовсе: Сингх раздал всем факсимиле и спокойно получал зарплату, посещая увеселительные мероприятия, открывая школы, больницы, стадионы...

Вице-председатель, Конституцией Федерального образования, привезенной еще с Земли, наделенный полномочиями решать судьбу миллиардов людей. Не было здесь миллиардов. А Сингх был. И миллиарды – будут. Для людей вроде Дадли это означало большие возможности, ведь миллиарды людей будут платить налоги. Налоги сойдутся в бюджете ФО, образованию понадобится строить и перестраивать, производить и утилизировать, учить, лечить и защищать, и все это оплатят из бюджета. Да и необязательно ждать десятилетия – в обмен на хорошие новости из колонии Земля пришлет миллиарды тонн всякого добра, в одно мгновение, стоит только МТ сбросить пузырь варпа в окрестностях звезды, превращающегося в бухгалтерские записи. В электронные деньги на балансе Центробанка ФО. В облигации федерального займа. В криптовалюту – это не очень законно, но пока Земля узнает... В наличные деньги, наконец.

Общий знаменатель здесь – хорошие новости. До определенного момента (определил его Дадли и пока только для себя) каждый сеанс связи должен рассказывать Земле о новых заводах, хорошем урожае, народившихся детках. Земля должна слать межзвездные транспорты, а Холт – принимать грузы и отправлять пассажиров. И здесь возникли сложности.

– Садись, – Дадли широким жестом указал гостю на свой стул. – Сейчас принесут обед.

– Благодарю. Мадам, – Сингх поцеловал руку хозяйке. Потрепал светлые волосы дочери компаньона. Как взрослому пожал руку младшему мальчику.

Политик.

– Мы можем поговорить? – спросил он Дадли.

– Ты даже не поешь?

– Оставить без внимания твою кухню было бы преступлением – но дело срочное. Буду есть и говорить.

– Хорошо. Сильвия, – Дадли кивнул жене.

Женщина торопливо вытащила детей из-за стола и потянула в сторону городка.

– Как Мани? Все хорошо? – спросил Дадли.

– Да, все нормально, – Сингх благосклонно наблюдал, как прислуга меняет посуду на столе, перестилает скатерть. – Он здесь, на Вхету, хотим прокатиться на Ошер.

Дадли кивнул. Углубляться в дебри семейных отношений не стоило – Сингх был гомосексуалистом. На взгляд Дадли, демонстративные объятия двух мужиков выглядели бурлескно, но это был компаньон, человек, достаточно умный, чтобы вести с ним дела... пусть их.

Сингх отдал должное кухне поместья.

– Великолепно! – выдохнул он, вытирая салфеткой тонкие губы. – А у меня робот на кухне. Мани совершенно не умеет готовить.

Дадли молча кивнул.

– Так вот, зачем я прилетел, – сказал Сингх, подвинув к себе розеточку. – У нас проблемы.

– Земля узнала про деньги? – спросил Дадли.

Наличные деньги. Когда в твоём распоряжении целый мир, вовсе не обязательно проводить махинации с финансами. Билеты Центробанка ФО, яркие бумажки с метками дополненной реальности, магнитной полосой, когда одну купюру могут принять несколько раз в общественном транспорте, например. Дети обожают играть с папиным кошельком, раскладывая «денежку» веером и наблюдая через планшет за пляшущими зверушками. С голубых экранов лучшие люди планеты гордо заявляют, как они любят расплачиваться наличными, как им дорога благодарность в глазах официантов, загорающаяся при виде чаевых. Потом все это безобразие заметит Земля. Земные экономисты забьются в истерику, все поминая скорость денежного обращения, примутся призывать демонов инфляции, дефляции и стагфляции, и лавочку придется прикрыть, изымая деньги у населения с выгодой для совершенно определенных людей, втридорога продавая залежавшийся на складах товар. Виноватой будет Метрополия, власти Федерального образования белые и пушистые, Юджин Дадли ни при чем.

– Непонятно, – Сингх перестал есть, взглянул на компаньона. – К нам летит аспирант Института гражданской космонавтики – из России.

Дадли кивнул – продолжай.

– Цель визита – археологические изыскания.

– Ну и что?

– Я разговаривал с Вазирани. Думал, он заказал какое-нибудь оборудование – знаешь, у нас до сих пор не производятся какие-нибудь глубоководные аппараты или специальная техника для работы в космосе. Вазирани ничего не заказывал. Он удивлен и обижен на Землю, говорит, не доверяют. Приказывают принять этого парня.

– А кто это?

– Некий Иван Прошин. Фотография и полный профиль будет, только когда транспорт выйдет в зону устойчивого приема. Аспирант, летит к нам один. Что он там будет раскапывать, – Сингх развел руками. Блеснул перстень на левой руке.

– К нам едет ревизор, – задумчиво промолвил Дадли.

– Что?

– Нет, ничего, не обращай внимания.

– Что думаешь?

– Вряд ли они узнали что-то конкретное, – Дадли окинул взглядом колышущиеся верхушки деревьев.

За высаженными против реки исполинами блестела водная гладь. Чуть покачивалась яхта у причала. С городка доносились крики расшалившихся детей и голос матери, звавшей няню.

– Вряд ли, – повторил Дадли. – Надо присмотреться к этому человеку. Выяснить его контакты.

– Может быть, маленькая неприятность при посадке? – спросил Сингх.

– На твое усмотрение, – пожал плечами компаньон.

* * *

Марс совершает полный оборот вокруг Солнца за два земных года. Орбита Красной планеты сильно вытянута, поэтому раз в два года Земля обгоняет соседа, планеты сближаются, и это называется противостояние. Зимой Марс приближается до ста миллионов километров, летом, в конце августа, подходит «всего-то» на пятьдесят пять миллионов, но так бывает раз в пятнадцать – семнадцать лет и для сколь-нибудь связного коммерческого сообщения неприемлемо. На момент прибытия космического корабля «Восток» Марс вышел из противостояния, составившего на 2153 год шестьдесят шесть миллионов километров, и «отставал» от Земли на месяц, поэтому «Восток» шел не к планете, а к объекту на орбите Бога войны.

Транспортно-энергетический модуль «Восток» состоял из двух секций, расположенных одна над другой. Верхнюю часть в форме плосковыпуклой линзы полностью занимал пассажирский отсек с рубкой управления и астрокуполом наверху, тридцатиметровая балка сложной конструкции связывала «линзу» с энергетической секцией, состоящей из ионного двигателя, топливных баков и реактора. «Восток» двигался с постоянным ускорением в один «же» до точки перемены тяги, в расчетной точке совершал разворот на сто восемьдесят градусов вокруг вертикальной оси и дюзы двигателя начинали «светить на торможение», поддерживая комфортное для человеческого организма тяготение.

В момент разворота, занимавшего восемь часов, тяготение на корабле отсутствовало.

Они встретились в астрокуполе. Светлана разглядывала экран телескопа.

– Привет, – Прошин завис подле девушки и от души зевнул.

Светили звезды. Сияло Солнце, прикрытое поляризованным щитом.

– Привет. Поможешь? – Светлана улыбнулась.

– Что у тебя?

– Марспорт хочу посмотреть. А телескоп – вот... – девушка кивнула на экран, показывавший болото на Юпитере.

– Фокус гуляет, – Иван покачал головой. – Сейчас... А зачем тебе Марспорт? Прилетим скоро.

– Скучно. Это так просто?

– Да, он же цифровой. – Прошин настроил фокус, поиграл зумом.

Телескопы «Востока» транслировали изображение на шесть сенсорных экранов, собранных в круг посередине астрокупола. Полиметилметакрилатовое полушарие астрокупола не несло никакой начинки, через него просто любовались звездами – и звезды того стоили.

– Это он?

– Да. Это Марспорт. Марс где-то там, – Иван махнул рукой и тут же схватился за поручень. – Ах ты... Отвык от невесомости, представляешь.

– Ты где был вообще? – Светлана посмотрела на Прошина. – Весь заспанный... Сколько можно? И не зевай, а то я начну.

– О-ой... – Иван не сдержался и снова растянул рот, старательно прикрываясь ладонью. – Спал я. Что тут еще делать? Спал.

– Понятно. Это что, северное сияние?! – Светлана недоверчиво уставилась на Ивана.

Маленькая станция на экране озарилась призрачным светом. Всполохи всех цветов радуги почти скрыли из виду диковинную конструкцию, свет вспыхнул еще раз и еще...

– Ну... как бы сказать... – Иван замялся: сложно объяснить человеку несведущему то, что тебе привычно, набило оскомину и сомнений не вызывает. – Северное сияние – это взаимодействие магнитосферы планеты с заряженными частицами солнечного ветра. Поняла?

– Ну да. Солнечный ветер – у меня братишка солнечные парусники собирал, знаешь, такие конструкторы есть?..

– Да-да. «Марс-1» генерирует собственное магнитное поле, чтобы защититься от солнечного ветра, галактического излучения, вот мы и видим, как солнечный ветер «дует», – Иван показал кавычки, – в магнитосфере станции.

– Красиво, слушай... – Светлана смотрела во все глаза. – А это что?

– А это и есть «Поллукс Виктори». Вот он и висит под защитой магнитного поля станции. Иначе его дней десять пришлось бы дезактивировать – космическое излучение накапливается в обшивке корабля, никакой броней не спасешься, только полем.

– Ни фига себе... – удивленный возглас Светланы привлек внимание прочих пассажиров, находившихся в астрокуполе, и вскоре все экраны заняло изображение межзвездного транспорта, елочной игрушкой висевшего в пустоте. В лучах Солнца блестела броня жилого модуля, во все стороны брызгали зайчики пирамиды командной рубки, скупно поблескивали плавники аварийных теплообменников и штанги струйных охладителей. Дополненные надстройками энергоблока и частотником солнечных батарей, очертания МТ ничуть не напоминали прилизанные формы самолетов или гоночных автомобилей и в то же время наполняли сердце ожиданием скорости.

– Красавец, – сказал кто-то.

– До сих пор не верю, что мне лететь на нем, – вздохнула Светлана. – Как во сне...

– Во сне, – проворчал Прошин.

При виде МТ ему вспомнились все прежние тревоги, тоска по оставленному на Земле требовала выхода, и Прошин, с силой оттолкнувшись от ближайшей консоли, взмыл к самому куполу.

Ровно горели далекие солнца. Снизу громко восхищались небесной колесницей.

– Ваня, все в порядке? – Светлана последовала за ним и не справилась с микрогравитацией: – Ой, лови меня!..

– Держу... – Прошин сделал кульбит, поймав девушку, и тут же мягко уперся ногами в материал купола.

Теперь звезды оказались под ногами. Солнце сияло, освещая их объятия. Глаза. Губы. Прошин смотрел, не пряча взгляда.

Светлана улыбнулась:

– Спасибо.

– Э-э... – опомнился Иван, – да, пожалуйста... Ну... Да пожалуйста.

Он отпустил девушку, и Светлана остановилась рядом, лицом к звездам.

– Как красиво... – девушка осторожно потрогала купол. – А он не расколется?

– Нет, крепкая штука, – Иван ткнул кулаком в звездное небо. – Не бойся.

– Хорошо, не буду. Видишь свою систему? – спросила Светлана.

– Нет, это надо телескоп... Не хочу.

– Понятно, – девушка повернулась к Ивану. – Я все спросить хотела: почему Вася и при чем тут водка?

– Что?.. А-а, Вася... – Прошин заулыбался.

– Ну, он же... афроамериканец, да?

– Нет, он негр. Из Африки. Откуда-то... Берег Слоновой Кости, что ли... В общем, учился с нами, только в аспирантуру не пошел.

– Его не Вася зовут.

– Нет. Зовут его Коджо Адетокамбо Ифе. Мы все путали, запомнить не могли, пока его Васей на третьем курсе не окрестили, – Иван усмехнулся. – А водка... Собираем как-то застолье. Весь курс собрался – девчонки, пацаны... Ну и Васе передают пузырь – разливай.

– Водку пил? – подняла брови Светлана.

– Водку пил, сало ел, все как положено, – заверил ее Иван. – Вася берет пузырь, уж не знаю, что там у него приключилось, но бутылка выскальзывает и хлоп о пол!..

– Пол-литра... – будто не веря своим ушам, сказала Светлана.

Прошин сделал страшные глаза:

– Ноль семь. – Девушка тихонько засмеялась, Иван продолжил: – Гробовая тишина, и тут Парфентий, Славик Парфенов, такой говорит: «Эх ты, Вася».

– Так и прилипло, – кивнула Светлана.

– Ага...

Светлана тихонько засмеялась.

– Света, – Иван смешался под взглядом девушки, но все-таки нашел в себе силы продолжить: – Света, я хотел спросить...

– Да спрашивай, – улыбнулась Светлана.

– На МТ есть возможность выбрать себе каюту.

– Да?

– Ну, – Прошин почувствовал, что краснеет. – Я хотел спросить... не хочешь ли ты... то есть мы могли бы...

– Поселиться вдвоем, – закончила за него Светлана.

– Ну.

– А подумать можно?

– Да, конечно, – зачастил Иван. – Времени полно, дней десять еще – пока прибудем, пока что...

Больше ни о чем таком они не разговаривали, хотя до прибытия к Марспорту встречались в астрокуполе каждый день. Прошину все-таки пришлось посмотреть на систему Девы 61, где вокруг желтого карлика вращалась планета Холт, и освежить знания, полученные в Институте.

Первые колонисты назвали планету Холтвистл. Открыли изобиловавший флорой и фауной кислородный мир в системе звезды Девы 61 ровно пятьдесят лет назад, по какому поводу совсем недавно колонисты и их потомки пышно отпраздновали юбилей. Из суши на Холтвистле наличествовал один суперконтинент, протянувшийся с юго-запада на северо-восток по относительной диагонали между 24° ю. ш. и 63° с. ш. Площадью примерно равный Евразии, суперконтинент со всех сторон был окружен океаном с множеством островов, так что получалось нечто среднее между Землей с ее гигантскими массивами суши и Океаном – планетой земного типа в системе Дельты Павлина, где пресловутая суша была представлена островными архипелагами.

Погодные условия определялись теплым течением вдоль восточной оконечности и вулканической активностью на юго-западе; горные цепи на севере и крайнем юге содержали залежи полезных ископаемых. Громадная река, берущая начало из множества ручейков в северных горах, протянувшая свой бассейн с северо-запада на юго-запад почти через весь материк, обеспечивала жизненную среду множеству живых существ. В бассейне этой реки, названной, кстати, Булл-Ран, колонисты построили первые города.

Как и Земля, Холтвистл имел сложную форму, напоминающую геоид, как и на Земле гравитационное поле вкупе с геологическими и гелиологическими процессами должно было изрядно осушить океаны и разорвать в далеком будущем единственный материк планеты на несколько частей, хотя выражение «разорвать» здесь будет неуместным и послужит лишь приблизительному описанию неспешного перемещения базальтовых, гранитных и осадочных

пород, движения вверх и вниз континентальных плит, etc. Колосс, спутник Холта-Холтвистла, предположительно принесло из межзвездного пространства и изрядно поколотило о небесные тела, пока потрепанную планетку не затянуло гравитационное поле кислородного мира.

К настоящему времени колония Холта вышла на полное самообеспечение, разве что не могла строить межзвездные транспорты. После всех усилий Лиги миров планету населяли чуть более четырех миллионов человек, собранных вокруг столицы Аккрингтона, в экваториальной части архипелага Виктория и подле двух промышленных центров. Все города расположились в бассейне реки, пересекавшей континент с северо-востока на юго-запад, так что городок с простым и милым русскому сердцу названием Москва, где в кампусе университета Симпсона Прошина ждал – дожидаться не мог профессор Джангулян, располагался между столицей – Аккрингтоном, и портом Корк Си.

Но до этого предстояло преодолеть немыслимое расстояние между солнечными системами.

Станция «Марс-Первый», неофициально именуемая Марспорт, висела на орбите Марса на расстоянии пятидесяти пяти миллионов километров от Земли. Громадный цилиндр технического отсека, целых два колеса жилых модулей, почти два километра в диаметре каждый, Марспорт окружала дымка от регулярно работающих двигателей коррекции, закручивающих жилые отсеки и корректирующих орбиту станции. Здесь принимали грузы с Земли, отправлялись корабли на Марс и к газовым гигантам, проходили обслуживание межзвездные корабли, готовясь отправиться в глубины космоса. Перевалочный пункт, настоящий город в космосе.

Их целью был межзвездный транспорт.

«Восток» полностью выработал запас топлива. Набранная в точке перемены тяги скорость почти двадцать семь километров в секунду, ко времени стыковки со станцией должна быть уменьшена до 8 км/с, скорости «Марса-Первого», и где-то за полмиллиона километров до станции включилась лидарная установка Марспорта, разогревая рабочее тело лазерного ракетного двигателя на борту корабля.

– Внимание, всем занять свои места, – равнодушный голос речевого информатора разогнал пассажиров «Востока» по кубрикам. – Приготовиться к включению двигателя. Прием устойчивый. Начинаю отсчет.

Тормозили ударно – два «же», если не больше. РИТа не объявляет, значения перегрузки известны только пилотам, вот и сиди гадай, то ли два «же» из тебя дыхание выдавливают, то ли все три. Но вот ушла тяжесть. Невесомость властно заявила свои права.

– Внимание, всем оставаться на местах, производится маневр стыковки, – провозгласила РИТа.

«Восток» падал в пустоте. Его баки были пусты, последнее топливо выжжено тяжелым светом. Видеодатчики с обшивки показывали проплывавший мимо гигантский цилиндр, залитый светом звезды. Два колеса жилых отсеков неспешно наматывали круги в безвоздушном пространстве. Стыковочный узел: ТЭМ, поджавший под брюшко жилого отсека энергоблок, орбитальные самолеты ждут подхода Красной планеты, блестящая иголка лихтера с МТ. Транспорти дальше, висит в пространстве, словно Левиафан, дрейфующий по течению.

Магнитная ловушка стыковочного узла МТ захватила корабль, притянула к гибкому рукаву технического коридора.

– Внимание, всем оставаться на своих местах, производится формирование переходного отсека. – Явственный толчок, слышны щелчки замков стыковочного узла, но это иллюзия, переходной отсек отделен от салона несколькими переборками, натянутые нервы перегружают воображение.

– Есть стыковка, приготовиться к открытию шлюза. – Над притолокой (вместо обоев они, не сговариваясь, включили информационное табло) горят цифры, обозначающие давление и температуру.

Прошин открыл рот. Заложило уши.

– Шлюз открыт, давление, температура в норме, всем оставаться на своих местах, эвакуационная команда «Поллукс Виктори», доложить готовность.

Размен посадочными местами, как они хотели в самом начале пути, не задался, по какому случаю Рута нервничала, опасаясь конкуренции со стороны молоденькой медсестры, направлявшейся на Галилео.

Нервничал и Иван Прошин, опасаясь смазливенького оператора, чей путь лежал аж на Ляонин, соответственно провести на «Поллукс Виктори» чубарому красавчику предстояло на полгода дольше, чем Светлане. Теперь Рута рвалась в бой, стремясь захомутать благоверного в уютное семейное гнездышко, Прошин готовился прорываться к Светлане...

Оператор был хорош собой, умен и, кажется, играл на гитаре не хуже Якова, поэтому, едва только четвертому кубрику дали зеленый свет, Алтай с Сашей смогли насладиться зрелищем толкотни, устроенной их соседями около дверного проема (насколько могут устроить толкотню два человека). Прошин, торопливо попрощавшись (в последний момент опомнился), вслед за девушкой проследовал по коридору в шлюзовую камеру.

Проем шлюза с отваленной круглой дверью загораживала эвакуационная команда: двое в скафандрах с переносным терминалом. Зеленый свет на браслете, металлический голос старшего:

– Добро пожаловать на «Поллукс Виктори», Иван Владимирович.

– Здравствуйте, спасибо, – отозвался Прошин.

Коридор – уже МТ. Атриум. Просторное помещение метров пятьдесят в диаметре и пару десятков метров в высоту связывало туннели жилого отсека и рубки управления со стыковочным узлом пилотируемых космических аппаратов. Сюда выходил транспортный коридор, по которому выкатывалась легкая техника, под самым потолком красным горели маркеры туннелей, ведущих к реактору и вычислительному центру МТ. Вышедших из переходной камеры шлюза встречали три человека, волей-неволей притягивающих всеобщее внимание: еще бы, вряд ли кто-то сумел бы так запросто пройти мимо капитана МТ, пассажирского помощника и начальника медицинской службы транспорта.

Трое мужчин смотрели на собиравшуюся подле них толпу, словно желая сказать: «Подойдите на один шаг ближе ко мне!» Белоснежные комбинезоны с нашивками красным у доктора и золотым у капитана с помощником, свернутые маски, гарнитура коммуникаторов, перчатки у пояса – даже парящие в невесомости, они олицетворяли абсолютную власть. Если забыть властные взгляды, короткие жесты, обращавшие на себя внимание присутствующих, портреты руководства межзвездного транспорта выглядели бы так.

Начальник медицинской службы, высокий, сухопарый мужчина на вид тридцати – тридцати пяти лет, с отросшим ежиком совершенно седых волос, правильными чертами лица и голубыми глазами, казался старше, когда принимался двигать желваками на скулах. В руках он держал планшет и постоянно поглядывал то на экран устройства, то на пассажиров, иногда водя пальцами по сенсорному экрану.

Пассажирский помощник ростом несколько ниже доктора, в белом же комбинезоне, расшитом золотом, просто разглядывал подопечных, и прищур его узких глаз придавал помощнику сходство с Буддой. «Китаец или японец? – подумал Иван. – Японец, скорее».

Капитан являл собой контраст с подчиненными. Румяные щеки, нос пуговкой, спортивный животик под тканью комбинезона, ручки, ножки – Колобок, Колобок, я тебя съем...

В глазах сталь. Легированная.

Рута тем временем подплыла к Толику, взяла мужа под руку, победно оглядываясь по сторонам, хотя угроза ее семейному счастью осталась на «Востоке», вместе с пассажирами, отправлявшимися на Марс и к газовым гигантам. Прошин вертел головой. Он не видел Светланы среди собравшихся, а когда увидел, упал духом: девушка появилась из шлюзового коридора.

дора вслед за чернявым красавцем, галантно подавшим руку девушке при выходе. Иван отвернулся и не заметил, как Светлана направилась к нему.

– Привет, – Светлана опять не успела затормозить: – Ой, мамочки!..

Прошин схватил девушку.

– Поймал! Не отпущу ведь... – он подмигнул оператору.

– Вот и правильно, – Светлана провела рукой по волосам. – Это Костя. Костя, это Иван, мы летим вместе.

Костя как мог приветливо улыбнулся и протянул руку:

– Будем знакомы, – рукопожатие у него оказалось железным – с досады, наверное.

– Мы сейчас каюты бронируем? – спросила Светлана.

– Нет, – ответил Иван, морщась и растирая кисть, – сейчас брифинг. Капитан, помощник и доктор нам сказки расскажут, потом пойдем к терминалам. Вон они, у трапов.

– А если в каюте несколько человек? – спросила девушка.

– Нет... ну, то есть, насколько я знаю – каюты, как правило, двухместные. Межкосмос любит отправлять в далекие путешествия семейные пары или когда люди заранее решают поселиться вместе.

– Как мы с тобой?

– Ну да, – Прошин не смог сдержать довольную улыбку. – Все, слушай.

– Прошу внимания, – слова капитана эхом затрепетали под сводом помещения. – Команда межзвездного транспорта «Поллукс Виктори» приветствует вас на борту.

Раздались аплодисменты.

– Меня зовут Алексей Жуйков, я капитан корабля, – дождавшись, пока стихнут хлопки, продолжал Капитан, – я отвечаю за каждого поступившего на борт пассажира и обещаю доставить каждого из вас к звездам – целым и невредимым. Если, по милости божий, наше путешествие пройдет спокойно, мы увидимся, только когда я буду провожать вас возле Холта, Муромы и Ляонина. В любом другом случае вы можете отправить вопрос или записаться на прием через мессенджер. Вопросы к капитану есть?

Аплодисменты.

– Хорошо, говорит Йосихиро Маэда, помощник капитана по пассажирской части.

– Благодарю, капитан. Здравствуйте, – помощник коротко кивнул. – «Поллукс Виктори» завершает обслуживание. Корабль принял запасы топлива, продовольствия, завод газовых смесей протестирован и сдан в эксплуатацию, гидропонная станция номер один полностью заполнена белковой культурой, гидропонная станция номер два приступила к выращиванию овощей и зелени. Меню будет разнообразным.

По толпе прокатились смешки. Маэда бровью не повел.

– Техническая служба «Марса» проверяет вычислительный центр и заканчивает обслуживание батарей охлаждения. Все работы займут у техников еще десять дней, и в эти десять дней мы должны уложиться с тренировками.

– Тренировками? – удивлению Светланы не было предела.

– Тихо! – Прошин сжал ладонь девушки. – Слушай.

– За ближайшие десять дней, как я уже сказал, мы должны будем провести тренировки по безопасности, а именно: вы должны научиться за кратчайшее время добираться до спасательного корабля и занимать свое место, вы должны знать свои действия во время пожара на борту, действия в случае пробоя сети и замыкания на корпус, а также вы должны знать порядок действий в случае разгерметизации жилого модуля и знать систему оповещения экипажа о неполадках на борту.

Маэда перевел дух.

– Каждому пассажиру по итогам учений выставляется оценка, и пока все не получают «отлично», к следующему этапу учений мы не перейдем.

– А если кто-то не справится – не полетим? – крикнул кто-то.
– «Двоечник» будет отправлен на Марспорт и далее на Землю, – ровно ответил помощник.

– И все? – спросила Светлана Прошина.

– Все, – ответил Иван. – Конец карьеры.

– Жестко, – покачала головой девушка.

– У меня все, – сказал помощник. – В опросы будут?

– Когда приступаем к тренировкам? – спросил кто-то.

– Выберите каюты, позавтракаем, час личного времени, и начинаем, – ответил Маэда.

– А на «Востоке» вечер был, – выкрикнула Рута.

– Да? – Маэда поднял брови и посмотрел на доктора. – Хорошо, два часа личного времени. Еще вопросы? Нет? Удачи нам всем. Доктор, прошу.

– Спасибо. Медицинская служба «Поллукс Виктори» приветствует вновь прибывших, – сказал доктор. – На МТ развернут медицинский комплекс последнего поколения, позволяющий проводить полную диагностику организма и при необходимости проводить операции высокой сложности. Сейчас производится доукомплектование склада медикаментов, диагностический центр готов к приему пациентов. Прошу всех, кто чувствует недомогание и нуждается в какой-либо медицинской помощи, обратиться в медпункт. Напоминаю, сокрытие заболевания на борту корабля влечет за собой уголовную ответственность, поэтому, если вы плохо себя чувствуете, прошу, обращайтесь. Записаться на прием к специалистам во время полета можно через мессенджер. Вопросы будут?.. Хорошо, у меня все.

– Прошу по очереди подходить к терминалам, выбирайте каюты, если возникнут вопросы, пожалуйста, ко мне. – Капитан и доктор ушли, Маэда остался в атриуме.

– А бывает так, что люди скрывают болезни? – спросила Светлана прежде, чем они двинулись к терминалам.

– Да вроде бывает, – пожал плечами Иван. – Я ведь не летал на МТ, только слышал. За перелет ведь зарплата полагается, за каждый день.

– Да? – Светлана подняла брови.

– А ты хотела... Это деньги, и немаленькие. Пошли выберем каюту. Ты со мной? – Иван старался, чтобы голос звучал ровно, хотя внутренне весь сжался.

– С тобой, – улыбнулась Светлана.

Техники кое-как справились за две недели. Запустили вращение жилого модуля, в каютах появилось тяготение, и пассажирский помощник заставил повторить тренировки при силе тяжести в две трети от земной. Перед самым стартом выбрали стюарта – самого опытного из пассажиров, ответственного за связь пассажиров с командой. Действо превратилось в карнавал с угощением, столовую украсили гирляндами, женщины, подвинув кухонных роботов, наготовили кучу всего вкусного с самыми экзотическими приправами; действо посетили капитан и Маэда, пришли ребята из технической службы, и, среди всеобщего веселья, стюартом единогласно выбрали Александра Иванова, именитого планетолога, летевшего на Океан. Сразу после действия шустрые буксиры-туеры отвели транспорт от «Марса-Первого» и отправили гигантский корабль падать примерно в сторону Девы 61 – как только службы слежения Солнечной системы убедятся в безопасности курса корабля и получают множество подтверждений своим запросам, «Марс-1» снимет ограничения с вычислительного центра корабля, реактор выйдет на расчетную мощность, и капитан отдаст команду включить установку привода деформации пространства.

...Каюта пассажира на МТ разделена на жилую часть и капсулу безопасности. За сутки до старта Стюарт потребовал от каждой каюты отчета о готовности, – это значит, что в жилой зоне все должно быть разложено по местам, а пассажиры – занять ложементы в капсуле безопасности и выходить по своим делам только с разрешения старшего. Сидеть так пришлось

двадцать часов, пока шли крайние проверки, бесконечные отчеты – рутина, понятная и интересная только для посвященных.

Объявили готовность.

– Внимание, – автоинформатора здесь не было, все объявления делал заместитель пассажира-помощника, вживую, – приготовиться к включению привода деформации.

Разогнать такую махину до скорости света не хватило бы материи всей Вселенной, поэтому привод деформации пространства включался, едва только МТ «Поллукс Виктори» ложился на курс.

– Стюарту провести переключку. – На плазменном экране, вмонтированном в стену каюты, появилось лицо стюарта.

– Ребята, готовы? – спросил Иванов.

– Готовы, Александр Валерьевич, – отозвался Прошин.

– Готовы, – сказала Светлана.

– Молодцы, – Александр улыбнулся, – все, ждем, сидите, не вставайте.

Изображение погасло. Потянулись минуты ожидания.

– Начинаю отсчет, приготовиться... Три. Два. Один. Реактор: работа устойчивая, температура в норме, запуск установки привода деформации... Есть запуск, начинаем разгон. Работа привода устойчивая, пассажирам оставаться на своих местах, команде приступить к выполнению обязанностей согласно расписанию...

– И все? – Светлана недоверчиво посмотрела на Прошина.

– А чего ты хотела?

– Ни перегрузок, ни... ничего?

– Ну да, – Прошин пожал плечами. – Мы висим в пузыре неподвижного пространства, а мимо нас уже, наверное, Плутон летит. Хотя где он там...

– Так быстро?

– Да скорее медленно. Даже на такой скорости год до Холта переть, а до Муромы так и все полтора – два.

– То есть мы можем хоть в соседнюю Галактику податься?

– Ну... был такой проект, – замялся Иван, – у нас кто-то диплом по нему писал. Топлива не хватит, вот в чем дело.

Межзвездный транспорт «Поллукс Виктори» летел в пространстве со скоростью, намного превышающей скорость света. Энергия, выделенная при этом, свет человеческих сердец, заставляла объект размером с небольшую комету светиться подобно звезде, и, как знать, может, этот свет, чистое пламя, отразившись от поверхности планеты через миллиарды и миллиарды лет, вновь позовет людей к иным мирам под свет новых звезд.

Все прах – дело твое живет в вечности.

Поначалу Прошин и Светлана вообще не выходили из каюты. Занятые друг другом, молодые люди не обращали внимания больше ни на что, и иногда подносы с пищей отправлялись на раздатку нетронутыми, а иногда автоповар получал двойной заказ. Нельзя сказать, что отсутствие двух пассажиров в кают-компании прошло незамеченным, но, в общем, прочие пассажиры и руководство транспорта отнеслись к происходящему с юмором и пониманием, перебросившись только парой фраз навроде: «Эх, молодо-зелено...» или: «Да, были и мы молодыми...» – да таких парочек, уединившихся в каютах, нашлось не две и не три даже, а сколько – то был секрет, охраняемый сторожевым комплексом МТ и репутацией капитана. Звонил стюарт. Спрашивал самочувствие, сообщал самые последние новости – Иван и Светлана делали вид, будто их интересует красивый вид на Альфу Центавра или успехи сборной на Олимпиаде.

Впрочем, долго так продолжаться, конечно же, не могло.

«Виктория» везла множество полезных вещей. На пилонах между жилой секцией и реактором, под многослойной броней контейнеров покоились целый производственный комплекс для Лянина и флотилия орбитальных самолетов туда же; на Океан везли три транспортно-энергетических модуля и реактор для орбитальной станции; целый контейнер занимала всякая мелочь вроде компьютерных сетей со всей периферией, медицинских комплексов, полевых и стационарных, но самое главное и самое ценное находилось в жилом отсеке МТ: люди. Ни у одного человека на Земле не было таких денег, чтобы оплатить место в каюте межзвездного транспорта; человек, отправившийся к звездам, обладал уникальными знаниями и способностью, а значит, мог улучшить жизнь миллионов людей, руководя целой отраслью медицины, как Светлана Деревягина, наладив энергоснабжение орбитальных сооружений, как Александр Иванов, или принеся новое знание о внеземной цивилизации, как Иван Прошин. Пассажиры МТ не сидели без дела. Кают-компанию постоянно занимали под симпозиумы, проводимые светилами медицины или уникальными специалистами в области астротехники, сама собой сложились рок-группа и квартет, игравший классические произведения, ставил пьесы любительский театр. Приятным дополнением к этому служила библиотека МТ, хранившая миллионы томов специальной и художественной литературы, да бездонная бочка аудио- и видеофайлов.

Прошин учил английский. (Один из языков межпланетного общения в обязательном порядке входил в курс лекций Института, но на Холте сложился собственный.) Тягал железо под руководством видеотренера. Проходил медицинские процедуры: адаптация к условиям планеты, диета (после обжираловки первых дней каши да компотики принимались как манна небесная) и массаж – ну просто захотелось. Прослушал пару лекций Иванова и Фридкина, главы дипломатического корпуса федерального образования Океан. Впрочем, всяким там умностям Иван предпочитал компанию Светланы, имея на свой счет вполне понятные карьерные перспективы, за-ради которых надо только смотаться в приполярные районы обжитой людьми планеты да составить отписку поумнее о найденной дырке от бублика, в чем Иван не сомневался ни капли.

Еще был Сокэ Адзума. Господин Адзума, первый старший советник посольства федерального образования Океан, маленький сухонький японец, приближавшийся к возрасту, когда в космос уже не пускают, редко посещал лекции, часто – концерты классики, сам лекций не читал, а тренировал желающих в переоборудованном под додзе уголке тренажерного зала и при пониженной силе тяжести творил такие чудеса, что собиравшиеся ценители восточных мордобойств дружно ахали. Прошин заинтересовался. В Институте он занимался рукопашным боем, регалий не приобрел, посещая занятия эпизодически – подобное времяпрепровождение начальство не приветствовало, ибо приобретенная по собственной горячности травма могла навсегда закрыть студенту дорогу в космос. Здесь же – пожалуйста. Нашелся спарринг-партнер: Никита Зайчиков, студент Института на год старше Прошина (они даже пересекались на занятиях), любитель помахать руками-ногами, увешанный регалиями с соревнований, черным поясом подпоясанный (еще и везучий – ни одной серьезной травмы). Сэнсей Адзума преподавал, Никита с Иваном старательно пинали друг друга...

После одной из тренировок молодые люди вышли в кают-компанию. Светился потолок, оттеняя белый глянец стен и мебели. Музыкальный автомат наигрывал мелодию, специально сочиненную, чтобы ненавязчиво звучать из невидимых динамиков, другой автомат выдал витаминные коктейли по индивидуальному рецепту для каждого.

– На дежурство? – спросил Прошин.

– Нет, отдыхаю, – Никита направился к компании, следившей за шахматной партией.

Играли первый секретарь посольства Муром Ильич Чен и Александр Иванов, стюарт. Сэнсей Адзума уже сидел подле них, благожелательно разглядывая окружающее из-под полу-

опущенных век; здесь же были Толик, Рута, Костя Синяев (тот самый чубарый) и Раб Агнихотри, физик-ядерщик, летевший на Океан.

– Вот они, гвардейцы, – сказал Костя, с удовольствием разглядывая ладных парней, приглядывавших себе кресла поближе к игрокам.

– Красавчики, – улыбнулась Рута. – А где Света?

– А... ну... лекцию, наверное, читает, – замялся Иван. – Нас вот господин Адзума только отпустил.

Первый старший советник тонко улыбнулся девушке.

– Понятно. А я уж думала, вы поссорились, – сказала Рута.

– Как поссорятся, так и помирятся – дело молодое, – сказал Агнихотри.

– Молодое, молодое, молодо-зеленое, – пробормотал Илья Чен, увлеченный партией.

Игра заканчивалась. Слева и справа от доски стояли павшие в бесплодных атаках бойцы, на доске белый ферзь и тура гоняли черного короля вокруг двух пешек на h6 – g7, черные ферзь и ладья, неспособные причинить вред белому королю, прикрывшемуся тремя пешками на противоположном углу доски, в бессильном цейтноте наблюдали за пляской смерти, бесильно замерла на e3 черная пешка, так и не ставшая вторым ферзем. Наконец, белые отдали ладью, заблокировав черного короля меж двух пешек, белый ферзь пошел в кинжальную атаку, и стюарт поднял руки:

– Сдаюсь, коллега. Отличная игра.

– Спасибо. – Игроки пожали руки. – Еще?

– Нет, пожалуй, – Иванов потер переносицу, зажмурил глаза, – разве кто вместо меня поднимет перчатку...

Желающих не нашлось – первый секретарь Чен играл мастерски, и, кроме Иванова, с ним на равных сыграть мог разве что капитан – но такая партия обещала состояться нескоро.

– Кто там, кстати, молодо-зелено? – спросил Иванов. – А, молодежь... Добрый вечер.

– Здравствуйте, – отозвался Прошин.

– Здравсьте, – сказал Никита.

– Вы, молодой человек, из команды? – спросил Никиту Иванов. – А вы... э-э... Иван, да... Вы летите на Холтвистл?

– Да, – хором ответили Никита с Иваном.

– А кто с вами на Холт? Та девушка – ваша жена?

– Нет, – замялся Иван. – Я... один вроде бы... Светлана летит на Муром.

– О, – сказал Чен, – это наш главный педиатр, я так понимаю.

– Да вроде того, – все так же неуверенно сказал Иван.

– А как это вы один? – спросил Илья. – Ради одного пассажира отключать привод деформации... не слишком ли...

Прошин пожал плечами. Он с самого начала считал, что вся эта затея «слишком», но кто его послушает?..

– Что там на Холте? – спросил Иванов.

– Профессор Джангулян собрался в экспедицию по рэнитам, – ответил Прошин. – Я пойду замом.

Чен и Иванов переглянулись.

– Не узнаю Олега, – пробормотал Илья. – Ну да ладно, послал – не зря, значит. Джангуляну привет передавайте...

Прошин кивнул.

– Да пора слетать уже к этим рэнитам, – сказал Агнихотри. – Все черепки ищут...

– Рэн вне досягаемости современных кораблей, – сказал на это Иванов. – Чтобы лететь к ним, необходим своего рода аэродром подскока, полностью оборудованный для снабжения экспедиции. Иван, ваши ребята делали проект?

– Нет, – ответил Прошин, – в Челябинске дело было. Челябинский филиал в сотрудничестве с ДВГУ и Токийским университетом.

– Ну и что решили?

– Дорого обойдется, – Иван пожал плечами.

– Дорого, да, – но кислородные миры, освоенные Рэн, нам бы оченьгодились, – заметил Костя.

– А что нам эти рэниты, когда Марс под боком, – провозгласив это, Никита победно оглядел собравшихся.

– Вам, молодой человек, – сухо сказал Иванов, – как члену экипажа межзвездного транспорта должно быть известно, что Марс имеет очень нестабильную орбиту. Все проекты колонизации заканчиваются на том, что возле Бога войны должно вращаться тело хотя бы в четверть массы самой планеты. Тут тебе сразу и атмосфера, и магнитное поле, только сначала надо воткнуть Фобос с Деймосом в поверхность Марса, а потом привезти из пояса Оорта достаточных размеров каменюку.

– Ну, можно Фобос с Деймосом связать как станцию, вращающуюся вокруг центра масс, – встрял Прошин. – У нас Грицанюк такой проект делала.

– Да, можно, – кивнул Иванов. – По стоимости примерно то же самое.

– То есть к Эдему нам лететь дешевле, чем освоить Марс, – сказала Рута. – Не понимаю.

– Ну, это же романтика, – улыбнулся Иванов. – Вы не помните, а мы наизусть учили динозавров Муромы и Океана. Полный компьютер этих фотографий, фильмов про новые миры, начальство Колоний знали по именам, они ходили по школам, приносили камешки с Холта, один раз принесли жабробрюха с Ляонина, в контейнере таком, герметичном, естественно, – я час стоял, не мог наглядеться на это чудо.

Иванов и Чен заулыбались, погруженные в воспоминания.

– Новые миры – это интересно, под это инвесторы охотно выделяют деньги, народ расхватывает акции Межкосмоса, от добровольцев отбоя нет... А Марс – это рутина, – сказал Чен. – Хотя ваши что-то темнят с Эдемом – то есть планета, то нет.

Иванов пожал плечами:

– Я сам не понимаю. Сначала трубили, что вот она, надежда человечества, кислородный мир с богатейшими запасами ресурсов. Потом вдруг замолчали и Бланкар куда-то пропал. Теперь опять подняли тему и собирают ресурсы для Колонии, восстанавливают тренировочные лагеря, готовят Платформу. Не понимаю.

– Так, может, и правда – Марс? – спросил Чен.

– Марс не загрузит производственные мощности как новая колония, – сказал Иванов. – Как побочный проект – да, может быть, но в том и штука, что новая колония перетянет на себя все, что есть в Солнечной системе.

– Не видать нам яблочек, – вздохнул Толик, разрядив обстановку.

Игроки собрали фигуры, собравшиеся мало-помалу разошлись по своим делам, и, хоть ни с кем из присутствовавших Прошин больше не виделся, этот разговор на борту «Виктории» лег ему на душу.

Долго ли коротко, а время, как-то по-особенному медлительное в начале пути, внезапно зачастило часами, оставшимися до расставания: «Виктория» подошла к точке выключения привода. Обзорные экраны залил белый свет – аннигилировали частицы, принесенные транспортом под пузырем варпа, кусочек пространства из Солнечной системы осваивался в новых границах, и, словно из пламени исполинской кузницы, на свет Божий появилось веретенообразное тело. Покрытая теплоизлучающими элементами композитная броня корпуса «Поллукс Виктори» поблескивала в лучах звезды; корабль слегка покачивался из стороны в сторону: гироскопы и коррекционные двигатели стабилизировали угловой момент корпуса, неизбежный спутник всех кораблей с пассажирским отсеком. Тепловые радиаторы вокруг пакета дюз

делали корабль похожим на кашалота – огромное млекопитающее на мелководье звездного океана...

– Мы больше не увидимся? – Светлана смотрела на Прошина.

Иван спрятал глаза.

– Света...

Молчание.

– Свет, я... Да что за блин! – Иван вскочил с ложементов, и тут же взвыла сигнализация.

– Иван Прошин, немедленно вернитесь на место, пристегните ремни! Иван Прошин...

– Да-да, вот он я, – Прошин плюхнулся на сиденье, щелкнул замками.

Сигнализация заткнулась. Иван и Светлана смотрели друг на друга.

– Света, нельзя по-другому. Работа такая... Я... – Иван мотнул головой. – Прости меня.

– Все хорошо, – девушка отвернулась, закусив губу. – Я знала, что так будет. Мы знали, правда ведь?

– Да...

– Иван Прошин, эвакуационная команда ожидает вас в стыковочном узле, – снова раздался голос из динамиков.

Прошин посмотрел на Светлану.

– Иди, – сказала девушка. – Я буду помнить. Поцелуй меня.

– Иван Прошин, эвакуационная команда ожидает вас в стыковочном узле, – повторил голос из динамиков.

Прошин обернулся. Светлана улыбнулась – трогательно и беспомощно, и Прошин вышел из каюты, чувствуя, что там, в полумраке капсулы безопасности, осталось его сердце.

До стыковочного узла Иван добрался на автомате. Его состояние не осталось незамеченным, и старший эвакуационной команды, прежде чем запеленать Прошина сначала в скафандр, а потом в ложемент пассажирского отсека лихтера из флотилии МТ, снял маску.

– Парень, все хорошо?

Прошин поднял глаза:

– Да, нормально.

– Не выглядишь ты нормально. Что произошло? – голос старшего отяжелел металлом.

– С девушкой попрощался, – ответил Иван.

– Так.

– Справлюсь.

Старший внимательно посмотрел ему в глаза. Прошин тряхнул головой:

– Справлюсь, точно.

– Вот, уже лучше, – маска вернулась на место. – Одеваемся, ребят.

Рутинная проверка систем, самочувствие космонавта, снова проверка, снова самочувствие... наконец, планетарная секция дала добро, и лихтер, до того бывший единым целым с громадой корабля, разорвал узы, казавшиеся столь прочными. словно два обитателя безбрежного Океана, Левифан и маленькая рыбка какое-то время следовали бок о бок, но вот их пути разошлись, а затем в пространстве вспыхнула одна звездочка...

Процессор межзвездного транспорта активировал привод деформации пространства, загруженный в нейронную сеть лихтера, и тот одним скачком покрыл огромное расстояние до цели.

...другая...

«Поллукс Виктори» включил собственную установку привода и набрал скорость, направляясь к следующему освоенному людьми миру.

Огромный корабль несся сквозь пространство, ощупывая путь перед собой лазерными лучами лидарных батарей. За много дней до отключения привода деформации лидары МТ

нащупали сигнал станции связи Холта – слабую попытку сказать слово человеческое среди зловещего шипения черных дыр и бормотания квазаров. Сигнал пришел с задержкой: никакое общение невозможно, когда на твое приветствие ответ придет в лучшем случае на следующие сутки, и сам сигнал служил лишь вознаграждением, венцом титанического труда множества людей, позволившего человечеству познать и освоить новые миры.

«Виктория» продвигалась к цели, задержка связи уменьшалась до момента, когда стало возможным поддерживать связный разговор. Тогда кроме приветствий, обычного радиообмена и неуставного балагурства на вычислительный центр корабля стали поступать пакеты данных, содержащих... процессор «Виктории» с оперативной памятью в десять петабайт мог обработать данные целой планетной системы, поэтому список одних только названий переданных папок с файлами мог бы выглядеть как увесистая книга. Ни грузов, ни пассажиров планета не отправляла, и капитан, переспросивший, не возникла ли необходимость в торможении МТ, и услышавший отрицательный ответ, ничуть не удивился и не насторожился, ибо с полным на то правом считал, что, приняв почту на сервер транспорта, сделал огромное дело, связав Холт с прочей Ойкуменой.

«Поллукс Виктори» запросил циклограмму торможения для лихтера с пассажиром. Лихтер отправился. Наведенный с МТ пузырь деформированного пространства понадобился потому, что межзвездный транспорт, отправляя лихтер, сам двигался чуть медленнее скорости света, и чтобы снизить скорость кораблика до приемлемых значений, не хватило бы всей материи Вселенной. Поэтому варп-привод сбросил скорость лихтера до гиперболической скорости Холта и отключился, полыхнув в пространство аннигилирующими частицами.

Прошин сидел в салоне лихтера один-одинешенек. Тесный пенал отсека казался холодным, огромным, мерещились сквозняки и космические пираты, хотелось обратно на «Викторию», теплую и уютную. В конце концов Иван выпутался из ремней ложементов в пассажирском отсеке и выплыл в кабину управления.

- Борт АА-23, ответьте, – раздался в динамиках девичий голосок.
- Борт АА-23, слушаю вас, – Иван улыбнулся изображению девушки-оператора.
- Здравствуйте, с прибытием в систему Холтвистл.
- Здравствуйте, спасибо.
- Я «Холт-Контроль», запускаю циклограмму сброса скорости.
- Борт АА-23, вас понял. Вы уж не уроните меня...
- Можете не беспокоиться.
- Кстати, Иван.
- Мэри... Иван, я... попрошу вас...
- Да-да, конечно, устав и все такое, – Прошин откровенно наслаждался замешательством девушки, пробормотавшей:

– Конец связи. – Изображение сменилось видом с датчиков кораблика: планета размером с бильярдный шар, неспешно плывущая сквозь тьму безвоздушного пространства; светило на заднем плане, блеск звезды приглушен светофильтрами...

Циклограмма сброса скорости – это когда на ниточке сложных математических вычислений висит жизнь человека. Гиперболическая скорость позволяет кораблю долететь до планеты за сутки-двое, а значит, не таскать с собой большие запасы продовольствия и воздуха, но стоит только промахнуться, как угловое суденышко направится к границам солнечной системы, стремясь стать межзвездным странником...

Прошину пришлось коротать трое суток, пока Холт стало возможно видеть в блистере кабины без помощи телескопа корабля. Бело-голубой шарик в лучах звезды, правее торчит Колосс – спутник, безвоздушная луна, бывшая некогда межзвездным объектом и, по последним данным, появившаяся у планеты в результате столкновения со спутником местного газового гиганта.

Лихтер под управлением «Холт-Контроля» грохотнул двигателями (Иван дернулся, ремни впились в скафандр). На экране...

– «Контроль», у меня по курсу...

– «Контроль», слушаю вас.

– Прямо по курсу... это буксир?

– Да, – в голосе оператора нетерпение, – к вам отправлен туер, состыкуетесь и продолжите циклограмму, гравитационный маневр вокруг Колосса... Какие вопросы?

– Но он же прямо на меня летит, – слабо запротестовал Иван.

– Не говорите ерунды, – оператор просто взорвалась раздражением, – выполняется маневр стыковки, перестаньте отвлекать.

Прошин аж голову втянул.

Туер торчал прямо по курсу, маленькой звездочкой, камешком-скрупулом покаявая сознание. Иван врубил музыку. В динамиках загрохотали ударные, под вой гитар местная певичка заголосила, как ей не хватает квалифицированного водителя, потому что она, видите ли, машина со сверхзвуковым мотором...

Иван выглянул в блистер. Звездочка как будто увеличилась в размерах...

Певичка заткнулась.

– «Контроль». «Контроль», вызывает...

– Что у вас?

– Мэри, туер идет на лобовое столкновение, – Прошин плюнул на профессиональную этику... жизнь дороже.

– Борт 23-АА, произвожу маневр стыковки, – задолдонила оператор, – к вам направляется буксир...

– Да он врежется в меня сейчас!!! – заорал Прошин.

– Борт 23-АА... – Иван ткнул кулаком, не попал, ударил плеча в пульт, выключая связь.

Сам, все сам: клавиатура, меню. Командная строка – почему молчит сигналка, вот вопрос, у корабля собственный лидар, он должен предупреждать об опасных маневрах и курсах соседних небесных тел, орать должен не хуже этой телки, которая водилу хочет...

Командная строка: умолчания. Ой, мама, да у меня периферия выключена, и автопилот исполняет программу стыковки, только кто-то веселый поменял знак в параметрах орбиты, и компьютер думает, что ложится на параллельный курс с туером, а сам шпарит навстречу А еще весельчак, покопавшийся в «башке» лихтера, сдвинул влево запятую, и вместо десятых долей скорость стыковки сменилась на вторую космическую для Холтвистла.

Прошин похолодел. Вот так, простенько и буднично, ему подписали смертный приговор, еще и недотепой обозвали.

А в телескопе корабля уже виден серебристый восьмиугольник с вогнутыми сторонами, крохотный носик миниатюрного пилотажного корпуса туера на сверкающем силуэте его необъятной кормы, блеск усиков параванов стыковочного узла. Завыла сирена, голос РИТы запричитал: «Внимание, опасное сближение, начинаю маневр уклонения...»

Нет! Туер пойдет следом, у него четкая программа: захватить лихтер, а топлива хоть залейся. Выключить автопилот.

Думай, думай...

Сосредоточиться среди звона и бряканья сигнализации получалось плохо, что-то причитала оператор по имени Мэри...

– Да заткнитесь вы!.. – Прошин обесточил все динамики.

Что?! Что делать, я сдохну сейчас!..

Вращение? У туера такой же автопилот, он заметит опасный маневр и прервет программу...

Маневровые двигатели. Готовы сопла кормовой установки – ну конечно, подстройка под гравитационный градиент системы, коррекция перед стыковкой... Пусть будет.

Залп – корабль будто в стену ткнулся. Черт, кровь, что ли, из носа?..

Лихтер закувыркался вокруг центра масс, размахивая жилым отсеком, туер улетел куда-то в сторону границ системы. Кормовые сопла коррекционных двигателей, истратив все топливо, заглохли, попытки автопилота стабилизировать вращение ни к чему не привели, и Прошин, придавленный центробежной силой, попросту потерял сознание.

Так, кувыркаясь, под причитания оператора, лихтер вошел в атмосферу Холта.

На обшивке запылало пламя. Вращение стабилизировалось, корабль, объятый огнем, падал кормой вперед. Раскаленный поток воздуха проник в двигательный отсек, реактор, не предназначенные для полетов в атмосфере (межпланетный корабль в атмосфере планеты – ЧП!), и над ночной стороной Холта расцвел мегатонный взрыв. Лихтер падал. Войдя в атмосферу планеты с ускорением в пятнадцать «же», корабль стабилизировал вращение и тормозил за счет «фары» корпуса.

Огненная колесница проскакала через все ночное небо, догоняя линию терминатора. Компьютер корабля активировал программу спасения космонавта. Скорость превышала допустимую и даже у самой поверхности планеты составляла безумные три Маха, но поверхность планеты приближалась, топлива в двигательной установке не осталось, запасы энергии таяли, и компьютер подорвал пиропатроны.

Блистер кабины диковинной птицей вспорхнул в темно-синее небо. Взревел воздух, сплошной стеной вставший вокруг корабля. Кресло с космонавтом, безвольно обвисшим в ремнях, выстрелило вперед и вверх, спиной к потоку. Ураган жадно подхватил новую игрушку норовя закружить, разорвать железными пальцами взбесившихся зефиров, и ускорители лежмента как могли старались стабилизировать падение, не в силах сопротивляться напору стихии...

...Пустой корпус корабля, охваченный пламенем изнутри и снаружи, падал по пологой траектории. Огненная черта протянулась через темно-синее утреннее небо в сторону города людей, посреди которого гордо высилось строение из стекла и стали: встающее солнце рассыпало зайчики на окнах Рокет Плаза, первого небоскреба Аккрингтона, столицы Федерального образования Холтвистл. Пришелец из космоса ударил точно в центральную башню архитектурного комплекса, отдаленно напоминавшего Мэри Экс и ФАУ-2 на старте, во все стороны брызнуло стекло, и над утренней столицей пронесся страшный грохот. Грохот повторился: обломки лихтера снесли малую башню, «стабилизатор» «ракеты», и подняли столб воды на месте фонтана в парке подле здания. Вослед, в клубах пыли, рушился понтырский небоскреб.

...Прошин упал навзничь, крепко приложившись об асфальт. Мягко осел парашют. В забрале шлема, словно через кровавую пелену, виднелись постройки спального района, деревья, в ушах почему-то стоял не умолкающий грохот.

Полицейская машина затормозила возле фигуры в скафандре, беспомощно лежавшей посреди улицы. Бравые копы неспешно распутали стропы парашюта, старший поднял забрало шлема и аж подался назад от волны непередаваемого запаха. Оглянувшись на столб пыли над бывшей достопримечательностью столицы.

– Ну что, сука, приземлился? – поприветствовал Прошина Холтвистл.

Глава третья

Двенадцать

Давным-давно, когда Прошин был курносый первоклашкой, а Мухин козлом скакал в джунглях Ляонины, яхта Дадли «Куин Элизабет» бесшумно отвалила от причалов Корк Си, взяв курс на архипелаг. «Королеве» предстояло сделать большой крюк: над морем Роз раскручивался циклон. Штормило. Свинцовое небо сливалось на горизонте с сине-свинцовым морем, вздымая над кораблем девятые валы, ветер волчьей стаей завывал среди антенн, и, будь на яхте пассажиры, путешествие показалось бы им скукой смертной. Впрочем, дабы скрасить тяготы морского пути, Дадли мог предложить гостям посетить кинозал, тренажерный зал, воздать должное продукции собственных виноградников в винном погребе, мог предложить поиграть в теннис, а затем попариться в сауне и окунуться в бассейн, но кроме кают команды и адмиральского люкса занятым числился только один номер. Его обитателям никто не предлагал увеселений, более того, за весь путь никто кроме стюарта не видел их на палубе. Стюарт приносил пищу и выносил скопившийся мусор, ни одной лишней минуты не задерживаясь в роскошно отделанном помещении, – и так все два месяца пути.

Наконец, «Королева» обогнула зону штормов и, не дойдя до архипелага Королевы Виктории три тысячи миль, свернула к КабоГайу.

Красивое место: дно океана поднялось благодаря вулканической активности, колонии кораллов, живших и умиравших под толщей воды миллионы лет, образовали насыпь, на которой поселились водоросли, обильно разросшиеся под водой и сформировавшие питательную среду на поверхности. Морские птицы принесли семена растений с островов Архипелага, проросшие так, что теперь прямо из воды росли целые деревья, причудливо сплетая корни с укрепившейся водорослью, выходящей по стволам, тугими жгутами сплетавшей несколько стволов в одно целое. Растения-амфибии, амфибии-животные, яркие рыбы, коралловый риф – уникальную экосистему открыл Жорди Гайу, оператор со станции «ХолтКонтроль». Он бросил работу и приехал сюда с подругой, Сириной Кабо. То было время больших открытий, люди горели жадной познания, жадно набрасываясь на новый мир, и администрация будущего Федерального образования всячески помогала энтузиастам. Гайу и Кабо приземлились в гуще зарослей. Поставили дом на сваях. Сняли фильм, в восторженных выражениях описывая окружающее – и перестали выходить на связь. Снаряженная экспедиция не нашла ничего, ни людей, ни дома, только с дна океана шел сигнал с маяка Кабо. Потом и он исчез.

Поганое место.

Дул ветерок, и солнце искрилось на легкой ряби, пробегавшей по едва колышущейся водной глади. Вдалеке из воды вздымались исполинские стволы, и над раскидистыми кронами, казалось сросшимися в одно целое, кружили птицы. Яхта встала на рейд. Чистым безумием было подходить вплотную к «острову», искать фарватер в переплетении водорослей, торчавших прямо из водной глади кустиков, коралловых полипов, тянущих ветви к поверхности. Из ангара выкатили вертолет. Матросы споро расчехлили машину, проверили поплавки, разложили лопасти. Взревел двигатель, спугнув большую птицу, белую с синими и черными перьями на концах крыльев, усевшуюся было на гюйс-шток. С мостика к винтокрылу прошли пассажиры. Один, два... – шесть человек поднялись в салон, серебристая стрекоза взлетела, разгоняя круги на воде, и направилась к зарослям Кабо-Гайу.

Сверху стали видны толстые стволы водорослей – остров словно пустил корни. В переплетении «корней» глаз силился отыскать систему, казалось, вот-вот темные линии сложатся в некий узор – нет, пустое. Еще в мутной воде скользили тени. Крупные, вытянутые силуэты, грациозно раздвигавшие подводную поросль, поднимавшиеся с глубин и касавшиеся поверх-

ности темной чешуей. Потом под машиной замелькали прибрежные заросли, зеленое поле раскинулось от края до края, словно и не остров это, а целый континент зелени. Посреди острова нашлась небольшая поляна, проплешина в ковре сросшихся, переплетенных ветвей. Ярко-зеленая травка с веселенькими цветочками хлопнула под поплатками вертолета. Трясина.

То, что нужно.

Пилот заглушил двигатель. Бойцы отвалили дверь, выставили стволы наружу. С последними взмахами лопастей на замершую посреди болотца железную стрекозу обрушился шквал звуков: крики птиц, ни на что не похожее верещание, и все это внезапно перекрыл дикий вой: «БОУ! БОУ! БОУ!» – забившийся в окруживших трясину деревьях. Запах: так могла пахнуть компостная яма, куда отходы свозили со всей планеты. Жарко. Душно.

– Лодку, – скомандовал Дадли.

Спасательный плот бухнулся у синего с красным поплавка. Раскрылся, подняв тучу брызг, всколыхнув зеленую поверхность.

Мужчина вышел первым. Неловко прыгнул, вцепился в оранжевую ткань, смяв плот чуть не до дна. Следом шла женщина. Осторожно ступила на поплавок, заколебалась, словно ей что-то мешало, и мужчина потянулся, взяв спутницу под локоть одной рукой, другой, забыв о собственной безопасности, придерживая ребенка на руках у женщины. Наконец, они уселись на банку, прижавшись друг к другу.

– Будешь местной знаменитостью, Жан, – сказал Дадли. – Робинзоном Крузо.

Он присел на срез двери, выставив ноги на поплавок. Над его головой два бойца поводили стволами из стороны в сторону. В кабине нервничал пилот.

– Ты чудовище, – сказал мужчина, глядя на Дадли снизу вверх.

– Почему? С нами поступили несправедливо – я хочу вернуть статус-кво, только и всего, – Дадли вытер лицо платком.

– Так нельзя. Твой план безумие.

– Ну вот, – протянул Дадли. – Опять. Давай лучше перейдем к делу. Смотри, это спасательный плот.

Мы купили его на распродаже и передаем тебе – без-воз-мез-дно.

Он широко улыбнулся.

– Здесь есть все для выживания: аптечка, кое-какой инструмент, плот может служить жильем на первое время, даже оружие есть – представляешь? Только оно вряд ли тебе поможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.